

Десять поворотов дороги

Оак
Баррель

Оак Баррель

Десять поворотов дороги

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Баррель О.

Десять поворотов дороги / О. Баррель — «ЛитРес: Самиздат», 2016

– Женщины после пятидесяти невозможны в любой очереди: даже если им дать десять одинаковых предметов и предупредить об этом, они все равно будут копать в них, выбирая лучший. Возможно, так выражается их сожаление о выборе супруга, сделанном десятилетия назад, а может, это объясняется каким-то невероятным законом бытия... Но факт остается фактом – то есть самой упрямой в мире вещью из всех возможных. Никогда, никогда не вставляйте в очереди за ними! Мой вам совет. Как не об этом?.. О чем же тогда я должен рассказать? О бродячих артистах, парне из рыбацкой деревни и целой стране, которой управляет обезьяна? Какая сомнительная тема. Но, раз так хотят спонсоры... (Они точно не из обезьян? Нет? Тогда я, пожалуй, начну.)

Оак Баррель
ДЕСЯТЬ ПОВОРОТОВ ДОРОГИ

необременительная новелла

Содержание

Обложка

Десять поворотов дороги

Аннотация

Глава 1. ПРОЛОГ

Глава 2. ПОЧТЕННЕЙШАЯ ПУБЛИКА

Глава 3. КУСТЫ БЕЗ РОЯЛЯ

Глава 4. ПУБЛИКУМ ФИГУРА

Глава 5. ГУСЬ БУДУЩЕГО

Глава 6. КОНИ И КОНЮХИ

Глава 7. ГРАФСТВО ВЕСТИНГАРД

Глава 8. СЕДЬМАЯ ОБЕЗЬЯНА

Глава 9. БОЛЬШОЙ РОГ

Глава 10. ТО ЕЩЕ УТРО

Глава 11. ТЕАТР НА ОБОЧИНЕ

Глава 12. ОБЪЯТИЯ СТОЛИЦЫ

Глава 13. ДВЕ СЕСТРЫ

Глава 14. КАЖДОМУ СВОЕ

Глава 15. БЛАГО И БЛАГОУСТРОЙСТВО

Глава 16. НОЧНЫЕ БЕСПОКОЙСТВА

Глава 17. МУСОРНЫЙ ТУПИК

Глава 18. ХРАМ НАУКИ

Глава 19. ДВУЕДИНАЯ АРМИЯ

Глава 20. ПРОФСОЮЗ МАЛЯРОВ И МЕТЕЛЬЩИКОВ

Глава 21. КОНДИТЕР ГРОММ

Глава 22. ПОЛНЫЙ ЕДНЬ

Глава 23. ТРУД И ЭМАНСИПАЦИЯ

Глава 24. РАДОСТИ СЕМЕЙНОГО ТОРЖЕСТВА

Глава 25. КОНТАКТЫ И КОНТРАКТЫ

Глава 26. ОВЕЧЬЕ ПОЛЕ

Глава 27. НОЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Глава 28. БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Глава 29. РАССВЕТ НА БЕРЕГУ

Глава 30. ЗАКУСОЧНАЯ «ЛУКОВЫЙ ДЖИМ»

Глава 31. НЕВЕРОЯТНЫЙ СОЮЗ

Глава 32. ВИЗИТ ДАМЫ

Глава 33. ПУТЬ ИЗ СЫРА

Глава 34. ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ АКТЕРЫ

Глава 35. НА ПОРОГЕ ВЕСТИНГАРДА

Глава 36. ОБЕД В ВЕСТИНГАРДЕ

Глава 37. ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

Глава 38. ПЛЕНЕННЫЕ КОРОЛИ

Глава 39. КИР И НОАС

Глава 40. НОВЫЕ ХЛОПОТЫ

Глава 41. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 42. ХРЯК ПРЕОБРАЖЕННЫЙ

Глава 43. ОТЦЫ ГОРОДА

Глава 44. ДЕНЬ ВТОРОЙ

Глава 45. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

Глава 46. ВРИО, ИЛИ КОНЕЦ ИСТОРИИ

Сноски

– Женщины после пятидесяти невозможны в любой очереди: даже если им дать десять одинаковых предметов и предупредить об этом, они все равно будут копаться в них, выбирая лучший.

Возможно, так выражается их сожаление о выборе супруга, сделанном десятилетия назад, а может, это объясняется каким-то невероятным законом бытия... Но факт остается фактом – то есть самой упрямой в мире вещью из всех возможных.

Никогда, никогда не вставайте в очереди *за* ними! Мой вам совет.

Как не об этом?.. О чем же тогда я должен рассказать? О бродячих артистах, парне из рыбацкой деревни и целой стране, которой управляет обезьяна? Какая сомнительная тема. Но, раз так хотят спонсоры...

(Они точно не из обезьян? Нет? Тогда я, пожалуй, начну.)

Аннотация

Жизнь преподносит порой сюрпризы. Особенно, если это жизнь странствующих артистов в стране, в которой полно гномов, троллей, королей и капустных ферм. А еще в ней встречаются удивительные места, пробудив которые, вы можете получить поистине здоровенный сюрприз, из которого еще надо выпутаться. Впрочем, если вам поможет вампир-другой из достойного старого семейства, все не так уж плохо...

Глава 1. ПРОЛОГ

Равновесие мира в море разливанном хаоса можно сравнить с равновесием катящейся по столу тарелки. Долог ли стол, умело ли пушена тарелка?.. И на это-то не ответишь.

Однако самые пытливые пойдут дальше и непременно спросят: а чей это, собственно, стол? И хорошо ли мыта тарелка перед отправкой в один конец? А то и – ловит ли ее кто-нибудь на краю?

Так волей-неволей мы снова обращаемся к богам, приобщая к Пантеону в меру разумения всех, кто, образно, стоит вокруг того стола, по которому катится тарелка.

Мир, о котором пойдет речь, довольно стар. Как змея кожу, менял он государства и целые эпохи, покрывался испариной трех потоков, горел озерами лавы и даже весьма неласково обошелся с парой огромных метеоритов – тем печальнее, что один из них обладал сознанием и как раз находился на пороге важного открытия в геометрии. (Другой был бессмысленной каменной, и если вы уже начали переживать на его счет, то можете прекратить.)

Мир этот покрывают *места*. Они испещряют его, как шрамы и наросты кожу старого кита, – или выщербины тарелку, если вы склонны дальше развивать тему посуды. Большая их часть не стоит упоминаний, если только вы не сходите с ума от описания заболоченных низин или горных пиков. Но некоторые из них действительно важны, хотя и гораздо менее приметны.

Пробудив одно из таких, вы вдруг обнаружите, что покрылись шерстью и встали на четвереньки – потому что оно изменило вашу природу. Попад в другое, окажетесь в окружении восьмидесяти восьми девственниц, существующих исключительно в вашем воображении.

Все это похоже на ловкий фокус, не более... Самые значительные из *мест* – те, пробуждение которых впускает в мир кого-то, кто в нем не особенно уместен. Например, слишком велик, чтобы не нарушить саму ткань реальности, просто ответив на ваше «здрас-сьте!».

Или его представления о веселье предполагают небольшую динамичную заварушку с гибелью целого народа.

В этих декорациях и будет происходить низлежащая история.

Глава 2. ПОЧТЕННЕЙШАЯ ПУБЛИКА

Говорят, страдания играющего артиста – ничто по сравнению со страданиями неиграющего. Не знаю, не знаю... Смотря кто окажется вашим зрителем.

Эту историю можно начать разными способами.

Не худшим из них будет начать ее с помпезной и весьма бестолковой фразы, выкрикнутой рыжим паяцем на утоптанной прогалине у деревенского колодца:

– А теперь, уважаемая публика! Перед вами выступит мировая знаменитость! Глотатель шпага, огня и нечистот! Бывший церемониймейстер его величества! Колдун и полиглот! Великолепный Хряк!!!

Четверо оборванцев бежали по синему закатному лесу, не разбирая тропы, оставляя за собой лишь кивающие потревоженные ветви и кое-где – неприметные капли актерской крови, коей, как известно, ценится ниже крови доброго человека.

Лес вокруг пах мокрыми овцами, хлюпал и скользил в низинах, словно ты бежал по слою намыленной шерсти. То и дело из-под ног кидалось прочь перепуганное зверье – вверх по влажным стволам или в норы между корнями – смотря по своей природе. Целый выводок свиной с хрюканьем скрылся в чаще, продираясь через кусты. Секач метнулся было, чтобы напасть, но, обескураженный перескочившим через него с воплями человеком, ретировался вслед за маткой подальше от сумасшедших.

За спинами беглецов слышался хруст веток и веселые окрики с обещанием медленной и занимательной расправы. За деревьями в синеве мелькали факелы, которые больше выдавали преследователей, чем помогали найти их жертву.

Не меньше дюжины бородатых мужиков с уханьем перескакивали через ручьи и кочки, топая тяжелыми сапогами, прорывались сквозь гигантский папоротник. Праведный гнев религиозных фанатиков быстро превратился в развлечение, на которые так скудна жизнь в лесной глуши. Беглецов травили, словно семью оленей, не давая свернуть с выбранного охотниками пути. На их счастье, в деревне не держали собак, считая тех нечистыми животными, так что побег комедиантов не сопровождался бодрым лаем спущенной своры – если не приравливать к ней двуногую обезумевшую стаю, вооруженную кольями и пращами.

Десять покрытых лишайником каменных зубцов окружали круглую поросшую травами поляну, что не заметишь в чаще и с трех шагов. Несмотря на густой лес вокруг, на ней не росло ни одного дерева, не считая скрюченного куста калины, пытавшегося уползти в чащу, – сплошной ковер из сухого вереска и заячьей капусты, распластавшихся на камнях.

Место вовсе не выглядело зловеще, если смотреть на него в привычном для человека спектре. Те же, кому посчастливилось обладать более чувствительной натурой, из всех сил держались подальше от гиблой плещи – кроме сотни полусонных ворон, сидящих на соснах вокруг поляны. Птицы сидели неподвижно и казались уродливой гирляндой из черных ламп.

Поскользнувшись на пироге из птичьего помета, рыжеволосый парень, сиганув боком между стволов, со всего маха налетел плечом на одного из каменных стражей и кубарем вкатился на плешь, поочередно ударившись всеми выступами тощего тела.

– Гадство и барабанный бой, – прошипел он, растирая ушибы, вставшие в длинную очередь на примочки.

Беглец стоял, озираясь, в центре плечи, не понимая, в какую сторону бежать дальше. Его внутренний компас безостановочно нарезал круги. Он зажмурился, потряхнул головой, пытаясь прийти в себя, и прислушался к звукам леса. Те едва пробивались, словно чашу от поляны отделял невидимый ватный полог.

«Видать, хорошо приложился головой», – подумал он, снова закрывая и открывая глаза. Картина при этом слабо менялась.

С ободренных ладоней на траву упало несколько алых капель, и тут же в лицо дунул холодный, пахнувший снегом ветерок, будто кто-то быстро открыл и закрыл окно в зимний день. Рыжий вздрогнул от неожиданности, метнув взгляд по выступающим в темноте стволам. Он чувствовал, как тьма вокруг впитывает его страх, боль от ушибов и, кажется, еще что-то из океана воспоминаний, о чем он сам давно забыл думать. Невидимый мясник потрошил его сознание, выбирая лакомые куски.

Звуки замерли совершенно. Несколько секунд царила глухая совершенная тишина. Если кого и было слышно, то лишь самого себя – ужаснее развлечение не придумать...

А затем наваждение исчезло.

Он очнулся, словно от долгого мучительного сна, обнаружив себя стоящим на коленях в самом центре поляны. Кисти рук были алыми от крови, но разбираться с этим не было времени: выше по склону кто-то с шумом ломился через заросли напрямик к нему. Раздался шум падения, хруст и замысловатые ругательства, призывавшие горящую серу в глотки еретиков, в глаза еретиков и в... Судя по всему, невидимый с поляны человек очень не любил этих самых еретиков, кем бы они ни были.

Сжав зубы до скрипа, беглец припустил с открытого места, не доверяя перспективе приложиться к кипящему коктейлю ни одной из своих точек. Вереск за его спиной покрылся густым серым инеем.

Отсутствие ли собак, неповоротливость пустившихся в погоню «лесных братьев» или звезда удачи, раскрывшаяся бутоном подле луны, – но все четверо оторвались от преследователей в распадке между холмов и уже в сгустившейся темноте выбрались к перекрестку дорог – оборванные, обессиленные и перепуганные.

Одна из дорог тянулась неровной лентой вдоль кромки леса, отделяя от него убранное ячменное поле, другая рассекала то и другое изогнутым клинком, соединяя за горизонтом Северный кантон с Южным.

– Ах-тыж-итит-твою-ох!..

Тот, что был толще остальных, бессильно бухнулся на колени, продержался на них с секунду, а затем упал лицом в дорожную пыль, раскинув руки в объятьях. Его глаза, сердце и желудок пытались покинуть тело от дикой скачки (и почти преуспели в этом), а грудь сжимал стальной обруч, о который колотилось и бухало, отдаваясь в многочисленных подбородках. Толстяк стонал, хрипел и ругался, вздувая облачка пыли в уезженной колее, где клялся провести остаток дней, если ему предоставят женщин, вина и окорок.

Тот же, что был остальных выше, лыс и тощ, как монашій посох, растянулся в придорожном бурьяне, сгинув в нем от любых взглядов. Судя по звукам, он рвал теперь зубами из земли корни, силясь зарыться еще глубже, поправ кротов и медведек в родной стихии.

Третий из беглецов как ни в чем не бывало стоял на обочине, уперев руки в бока, и смотрел куда-то ввысь – словно мало ему было важного здесь, внизу, где из-за любой коряги мог выскочить мужик с вилами и насадить на них его тщедушное тело со свирепым удовольствием. Вязаная жилетка его была вся в репьях, награждая бока ложной тучностью, голые руки тонки и мускулисты, а глаза под рыжим чубом расставлены так широко, будто собирались разглядеть за плечами.

Еще одна тень тонко вздохнула и сползла спиной по гладкостволой березе, оказавшись притом девицей с плотно зашнурованным бюстом, ищущим себе выход. На белой коже ее играли капли пота, а рыжие спутанные волосы колыхались на прыгающих плечах. Юбки девушки были основательно изорваны, так что клочья карминовой шерсти верхней мешались с белыми хлопьями нижних, словно кто-то сбрызнул глазурию сырое мясо.

Парень в отделанном репьями жилете какое-то время постоял, дав отдышаться своим спутникам, а затем, переступив через толстяка, подошел к сидящей на земле девушке:

– Надо бежать, Аврил. Они близко. Я видел одного у оврага. Этот кретин прижигал факел и орал так, словно наматывал себе кишки на кулак. Уверен, с ним рядом и остальные, – кивнул он в сторону простертого по холмам леса, невольно задержав взгляд на темных арках между стволами.

Он вовсе не был уверен в том, что на самом деле видел, когда обернулся, убегая с поляны, ставшей вдруг гораздо больше, чем казалась вначале. Несшийся за ним кретин, один из целого семейства кретинов, действительно зажег новый факел и что-то проорал вдогонку удаляющейся жертве. Вот только крик этот резко оборвался, факел отлетел в сторону, а перевернувшуюся в воздухе фигуру вздернуло вверх ногами с отвратительным звуком испаряемой кожи...

Было это на самом деле или привиделось в темноте – Хвет не взялся бы спорить и на медяк. Во всяком случае, никто затем уже не ломился сзади через лес и не орал проклятия во всю глотку. И это, если честно, пугало еще больше.

Что бы ни случилось там, на поляне, но здесь на открытом месте беглецов было видно со всех сторон. В лесу лунный свет не пробивался сквозь переплетенные кроны, и деревья до верхушек стояли в чернилах, гудящих ночными звуками, в которых всякий мог отыскать для себя кошмар по вкусу. Если деревенские наконец сожгли все факелы и слишком устали, чтобы орать (речи не шло о том, что вдруг поумнели), то могли подойти незаметно, получив желанное представление не вполне тем способом, на который рассчитывали артисты.

Хвет резко обернулся на шелест, приготовившись к прыжку. Из травы вспорхнула разбуженная птица, что-то гугукнув в полете, и скрылась в кронах. Парень облегченно вздохнул, распрямил спину и снова повернулся к девице, торопя ее жестом.

– Еще минуту, Хвет... – простионала названная Аврил. – Ноги совсем не держат.

– Если еще протелимся, эти уроды нас найдут, и твои ноги будут болтаться с ближайшей ветки. Дойдем до рощи, тогда заночуем. Здесь нельзя долго, – ответил названный Хветом, кивнув в сторону черной полосы за полем. – Давай руку!

Девушка, все время сжимавшая в правой нож, ловко перекинула его в левую и подалась всем телом вперед, вставая на ноги. Легкая и гибкая, она все же не удержалась и застонала от множества мелких ран, полученных на различных этапах непредвиденной экспедиции. Впрочем, могло быть гораздо хуже...

– Ну и ночка, блин! Подкараулить того ублюдка, пустила бы шкуру на ремни! У тебя все руки в крови. Сильно ранен?

– Не, в порядке все, – отмахнулся он, пытаясь не паниковать от одной мысли о странном месте посреди леса. От локтей до середины ладоней тянулось два тонких одинаковых пореза, будто кто-то провел по его рукам скальпелем.

Сзади с юбок у девушки свисал впившийся в складки дротик, пущенный кем-то из пращи. Парень нетерпеливо отцепил его, вырвав клоч ткани, за что был награжден подзатыльником. От резкого движения она снова застонала. Под лопаткой кровоточила рана, питая расплзшееся по блузе пятно.

Ее брат выглядел не лучше: лоб рассекала рана, и его лицо было блестящим и красным, как у гневного божества из китайской преисподней. Отличала только чуждая азиатам огненно-рыжая шевелюра и круглые, как у зайца, глаза – а так вылитый Чань-Пынь-Как-Его-Там-С-Бубном.

– Забудь о нем, – Хвет тянул девушку за собой. – Слушай: побежим быстро. Поняла? Тут как на ладони со всех сторон.

– Повезло Бандону, – прохрипел из колеи толстяк, прекратив пыхтеть и ругаться. То и другое было основными признаками его жизни, так что стоило заподозрить неладное, если что-то из этого прекращалось.

– Есть момент, – согласился невидимый персонаж в бурьяне, скрипя суставами.

Над травой выросла лысая, как булыжник, голова с большим родимым пятном, насаженная на сутулые костистые плечи. Мужчина привычным движением устранил изъязнен бесформенным париком, оставаясь сидеть в лопухах, как гигантский первобытный кузнечик.

– На хрена тебе парик, Гумбольдт? Сов пугать? И, как я уже много раз говорил, у тебя слишком длинное имя – даже для такой дылды. И слишком короткий отросток. Позорно короткий и уродливый, – толстяк перевернулся на спину и теперь лежал пузырем поперек дороги, имея с ней общий цвет.

– Хряк, он и есть хряк, – философично заметил обладатель парика, стянув его с головы и спрятав за пазуху, словно несчастливую летучую мышь. – Лишь в грязи ты обретаешь счастье и рассудок, мой сальный мудаковатый друг.

– Ну, вы, мудаковатые друзья, пошли! – раздраженно зашипел Хвет, дергая Гумбольдта за шиворот ветхой куртки. Воротник остался в его руке. – Хряк, Аврил, быстрее!

– Э... дай сюда, – вслед за париком за пазухой скрылась оторванная деталь туалета. – Это крайне ценный мех.

– Хоть немного шерсти на голой жабе, – не преминул ужалить толстяк, ворочаясь на дороге.

Лысый хрустнул членами, собираясь вниз и раскладываясь вверх, как стремянка. Хряк, придерживая широкие клоунские штаны, снова перекатился на живот и не без труда принял вертикальное положение, не слишком выиграв в высоте.

– Ну и задница у тебя, милый друг, – попотчевал его Гумбольдт, помогая держаться на ногах.

Четверка беглецов, попеременно оглядываясь, засемила сквозь голые поля под луной – подругой всех воров и бродяг. В ту ночь она весьма подружилась еще и с горсткой странствующих комедиантов, коих и днем не всякий отличит от вторых и первых.

Миновав поле и сделав петлю вдоль мелкой речки, они свалились под кроной дремучей ивы, ветви которой мели по самой траве, надежно скрывая от любых взглядов. Где-то рядом завозились и смолкли разбуженные пришельцами утки.

Хвет еще долго прислушивался к ночным звукам, силясь угадать в них походку полоумных крестьян, бросившихся на них прямо посреди выступления. Кто бы знал, что эти идиоты поклоняются своему бородатому богу с его «семьюдесятью семью основами», среди которых строгий запрет на лицедейство[1]! Ходила лиса к охотнику кур просить... А весь скарб, что пришлось бросить?! Одних шляп и масок на два золотых! Запасная упряжь. Одежда... Убогая деревенщина! Козлы подкоряжные! Эх! Сегодня ушли, а что дальше, скажите вы мне? Завтра – очередная тихая деревушка с милыми пастушками, любителями живьем содрать шкуру под святым деревом?

Юноша скрипел зубами от бессильной злости. Если б не навалившаяся усталость, нашлось бы место и размышлениям о жизни, о бродяжьей с детства судьбе – и вообще... Там бы и пожалеть себя. В досаде опрокинуть стакан крепленого... Но и он в конце концов сомкнул веки, скатившись в тревожный сон, в котором над горящим лесом летали свиньи в белых плащах, высматривая, кому наделать на голову.

Ива над беглецами мерно шевелила ветвями, предсказывая судьбу. Но ее никто не слушал, а потому судьбы наперед не узнал, довольствуясь недостоверными сновидениями.

Глава 3. КУСТЫ БЕЗ РОЯЛЯ

Над бескрайним морем встает оранжевое солнце. Встает оно, конечно, и над каньоном, равнинами и даже над барсучьей норой в лесу. Солнцу вообще все равно, над чем вставать. Оттого не минует оно страну между ледниками и теплым морем, напоминающую сверху простертый огромный четырехлистник, разделенный реками и низинами.

Вы смотрите на величественную Кварту.

Ее Северный кантон упирается в скалистую покрытую льдами местность. Южный омывает Круглое море. Восточные границы соседствуют с племенами, названия которых не выговаривать без изнурительных тренировок. Их стойбища и огромные стада мохноногих яков легко заметить на голых равнинах среди озер. Но присмотритесь хорошенько к дымке над Западным кантоном, и увидите бесформенное родимое пятно – это Сыр-на-Вене, столица Кварты и ее самый большой город. Кто-то не без издевки добавит: самый шумный, загаженный и опасный. Но мы чужды пораженческим настроениям, поэтому, согласившись с перечисленным, добавим: самый богатый, пестрый, жадный до новостей и развлечений.

История, к рассказу которой мы приступили и в развитие коей вы теперь невольно вовлечены, началась ранней осенью неважно какого года в Северном кантоне, где на рассвете одну из многочисленных жидких рощиц среди полей огласил осипший в простуде голос:

– Поднимай задницу, Хвет!

Спящий открыл глаза. Что-то воздушное и цветное, парившее во сне, разбилось на куски о комковатую фигуру Хряка, толкавшего его ногой в бок.

– Фхрщ... Что?..

Юноша сел, как марионетка, выставив вперед руки. Перед его глазами сталкивались круги, понемногу уступая буколической панораме. Кажется, на лугу танцевали девушки в красных лентах, где-то за листвою играла флейта... или это они играли на флейте...

– Пора двигать, – пробурчал толстяк из-за плеча, распахивая что-то по карманам.

Поверьте, это была наихудшая альтернатива обнаженным танцующим флейтисткам. Хвет мысленно посоветовал мирозданию запретить унылых толстяков по утрам, чтобы не портить настроение на весь день.

В роще было зябко и влажно от тумана, словно растворившего в белом стволы деревьев. В порыжелых кронах скандалила пернатая мелочь. Хвет поежился. От этого мокрая грубая одежда кошачьими языками прошлась по коже. Вся компания уже была на ногах. Аврил с хмурым лицом рассматривала свой погибший наряд и исцарапанные руки.

– Рану придется шить, – кивнул на нее Гумбольдт, обращаясь к юноше. – Добраться бы поскорей до дома...

«Дом» на этот раз был таверной в местечке со странным незапоминающимся названием[2], где группа остановилась, решив поколесить по округе, сплошь состоявшей из маленьких пропахших навозом деревенок, где артистов в лучшем случае не пытались сразу убить. А если и платили за выступление, то парой червивых репок, брошенных из толпы, – и не всегда, кстати, с целью накормить пришельцев. Что было вообще соваться в эти края?..

Все четверо двинулись цепочкой по узкой тропке в сторону поселения, где два дня тому оставили в конюшне великана Бандона. Теперь они шли в обратном порядке, чем спасались ночью: Гумбольдт, Хряк, Аврил и Хвет.

То и дело толстяк подгонял дылду палкой, сетуя на его нерасторопность и кривые ноги. Тот ворчал в ответ, что, мол, Хряк может идти первым, а не пускать пузыри своим неумным ртом ему в поясницу. На это Хряк ядовито отвечал... Впрочем, не все ли нам равно, что отвечал дурак дураку? А важно то, что, когда процессия уже почти миновала рощу, выйдя на мелколесье, из-под затянутых паутиной кустов кто-то сдавленно кашлянул, как это делают для

того, чтобы быть замеченными в респектабельном обществе. Ну, может, чуть надсаднее, чем принято в салонах, однако кашель есть кашель.

Гумбольдт, идущий первым, мгновенно соскочил с тропы, готовый бежать или защищаться. Это был самый нелепый в мире прыжок самого неприспособленного к прыганью существа, которое девять к десяти готово было именно что бежать, а вовсе не вступать в драку.

В принципе, дылда был грозным бойцом – длинноруким, ловким и бесстрашным. Но для того, чтобы эти качества проявились, его нужно было наглухо загнать в угол и перепугать до полусмерти. Последний раз в открытом бою он теснил родственников несостоявшейся жены, размахивая насаженной на вертел индейкой. Этот случай вошел в мировую историю как Великая индюшачья победа, даровавшая Гумбольдту свободу от брачных уз и мирных лет на семейной ферме. Теперь ни одной невесты на горизонте не маячило, и ситуация не казалась ему такой уж безнадежно опасной.

Нечто, таившееся за занавесом листвы и посеребренной росами паутины, не унималось:

– Извините за беспокойство... – голос был приглушенным и шел откуда-то снизу, будто из-под земли. – Не могли бы вы помочь мне выбраться? Очень прошу. Будьте так добры, – и, после секундного ожидания: – Парле ву франсе? Эм-м... Зи шпрехен дойч? Воси фала португейш[3]?

Комедианты переглянулись: трое из них пожали плечами, один отрицательно замотал головой. Аврил, корсет которой лопнул в погоне, прикрыла платком грудь, желавшую активного участия в разговоре.

– Что за хрень? Ты вообще кто?! – спросил у куста Хряк, которому в это утро выпало быть вопиющим гласом компании.

– О! Мой дорогой соотечественник! – раздалось из-за кустов.

– Чо?..

– Ничо! Помогите вылезти из ямы, кретин!!! – раздалось в ответ. Некто, очевидно, терял терпение.

– Он назвал тебя кретином, досточтимый Хряк. Как это точно, как верно подмечено. Имя, данное тебе матерью! – не преминул поддеть товарища Гумбольдт. – Кто ты, о незримый пророк?! – обратился дылда к кустам, почесывая выпирающую ключицу под рубахой. Вид у него при этом был как у орла, объевшегося гречки.

– Может, вы уже поспособите ему, а потом будете паясничать?! – прикрикнула на болтунов Аврил, раздраженно одергивая мокрые юбки, свисавшие клочьями по окружности композиции. – Тебя как зовут? Ты один? Идти можешь?

– Кир. Да. И... м... да, – молвил ей в ответ куст, добавив: – Кстати, тут еще попадается ежевика. Невероятно, в такую-то пору! Только, я, кажется, уже всю объел...

Хряк с Гумбольдтом шумно полезли через кусты.

– Осторожно, друзья мои, здесь охрененная яма, которую не сразу увидишь, – напутствовал им голос. – Именно туда вам и нужно... То есть сюда. Я в ней... Попробую подтянуться.

Шорох сменился звуком падения и приглушенным стоном. Затем все дважды повторилось в той же последовательности – невидимый собеседник пытался подняться выше, цепляясь за торчащие из земли корни. Гумбольдт с Хряком активно снабжали его советами, вопреки которым им в конце концов удалось схватить ямного сидельца и выволочь его из кустов. Все четверо немедленно обступили незнакомца, чтобы как следует рассмотреть.

Это был недурно сложенный, но крайне тощий молодой человек лет двадцати, бледный, черноголовый, черноглазый и чернобровый с выдающимся вперед узким носом и острыми оттопыренными ушами. Его правая нога возле щиколотки опухла и была вывернута под неестественным углом. Рваный башмак с нее он крепко держал в руке, словно тот был единственным отпущенным ему на земную жизнь. Впрочем, судя по латанной вдоль-поперек одежде,

это вполне могло стать. Даже на фоне бродячей труппы парень выглядел оборванцем и был грязен до безликости.

– Ты же сказал, что можешь идти?! – возмутилась Аврил, указывая подбородком на вывих.

– Я немного преувеличил, – ответил спасенный, глядя на покалеченную ногу, и снова припал к фляге с водой. – Меня зовут Кир.

– Нам некогда с тобой возиться! Сам доковыляешь до деревни?

Парень по-детски улыбнулся и помотал головой, затем пожал плечами, развел руки в стороны, жалобно вздохнул и выразил сожаление тридцатью тремя способами.

– Это просто... просто... на хрен кошачий все! – ответила за четверых девушка, яростно бросив в траву корягу, которой счищала паутину с Хряка. В траве что-то жалобно пискнуло и скончалось. – Мало нам геморроя, еще нашли себе захребетника! Дай ему свою палку, Хряк, и пусть выбирается как хочет!

Нельзя не сказать: в гневе она была великолепна. Неприбранные локоны развевались в хрустальном утреннем свете, алые губы подчеркивали страстность, руки двигались, словно в танце... Невозможно, невысказанно сердиться на слова такой красавицы, брошенные в запале! Но спасенный нешуточно рассердился:

– Это бесчеловечно! Вы не можете так поступить с гражданином своей страны, попавшим в беду. А ты! Да, ты! – он ткнул башмаком в Аврил. – Ответишь по закону за неоказание помощи пострадавшему!

По неизвестной причине это подействовало. Нельзя сказать, что бродячих актеров легко пронять словами – уж кого-кого, но только не их. Однако уверенное и научно обоснованное заявление сотворило чудо: Аврил лишь хмыкнула и даже не попыталась пнуть обидчика. Вместо этого она подала знак вытянуть ногу, присела, подобрав юбки, и быстрым сильным движением вправила юноше вывихнутый сустав. Все произошло так неожиданно и скоро, что он не успел вовремя вскрикнуть от боли, а кричать после уже было неприлично. В итоге он так и остался сидеть на поросшей пустоцветом тропе с открытым ртом и обвинительно поднятым башмаком.

– Перевяжите потуже и дайте ему палку, – повторила ледяным тоном девушка. – *Теперь-то* ты можешь идти? – ядовито поинтересовалась она, когда повеление было исполнено. – Попробуйте, ребята, его умыть, что ли... Воняет, как коровья лепешка.

Остатки воды из фляжки ушли на то, чтобы разглядеть цвет кожи на щеках спасенного. Перевязанный и одаренный посохом Кир поднялся с помощью Хвета, все это время жевавшему колосок в сторонке, и поплелся за остальными, морщась от боли на каждом шаге.

– Ты прилично рисковал, – сказал ему тот.

– Еще бы! Я мог издохнуть в яме.

– И это тоже, – неопределенно ответил Хвет.

Солнце разметало кисею тумана, и вскоре путники уже без опаски двигались по выбитой в пыль проселочной дороге в сторону... как бишь называлось это селение? Очередных Песых Мусек на своем извилистом пути.

Глава 4. ПУБЛИКУМ ФИГУРА

– Ты сам откуда? – спросил Кира Хвет больше от скуки, чем из любопытства. В эту часть страны он попал впервые, ничего здесь толком не знал, а после вчерашнего прерванного погонеи выступления – активно не хотел знать.

– Из Трех Благополучных Прудов[4], – ответил Кир.

Хвет удивленно вздел бровь: мол, такие названия вообще бывают? Его собеседник пожал плечами: мол, название как название, что такого?

Вместо корявой палицы Хряка Киру выломали вполне приличный костыль рогастиной, для удобства обмотав его верх тряпицей (мода на множество пышных юбок весьма удачно обеспечивает в походе тряпками и бинтами). Теперь он двигался гораздо быстрее.

– И чем ты там занимался, в этой своей деревне?

– Я... как объяснить получше... публикум фигура[5] ... – неуверенно произнес Кир, словно пробуя на вкус собственные слова.

– А... любишь с девчонками повеселиться? – задумчиво произнес Хвет. – Сунешься к моей сестре – пришибу! – предупредил он, искоса поглядывая на Кира. – Фигуры он публит... Классно устроился. Не пыльная работенка. Хотя в таких-то обносках?.. Ты что, беглый барон?

– Женщины – это равноправная часть общества, – невпопад заявил Кир, сделав серьезное лицо, насколько позволяла физиономия напуганного грача.

Хряк недобро посмотрел на него, обернувшись. Идея ему явно не понравилась. Аврил старательно сделала вид, что ни слова из сказанного не расслышала и вообще занята изорванным рукавом.

– Никакие фигуры я не публю! Я и есть фигура, – воскликнул сбитый с толку Кир.

Теперь на него косо посмотрели все четверо.

– Я – общественный деятель, выборный представитель жителей Трех Благополучных Прудов! – попытался объяснить Кир. – Понятно? – он выпятил тощую грудь под рубахой (во всяком случае, честно попытался это сделать, насколько мог, вышло не очень).

– Нет. И не хочу знать детали, – ответил ему Хряк. – Держись от меня подальше на всякий случай.

– А я вот хочу, – заявила равноправная часть общества. – Что это значит?

– Меня выбрали, чтобы я говорил от имени деревни, – уныло пояснил Кир.

В голосе его сквозило отчаяние. Вероятно, новые знакомые были не первыми в ряду тех, кто ни слова из сказанного не понял, переиначив саму суть демократического общественного устройства[6].

– А... кому говорил-то?

– Чего? – не понял Кир.

– Ну, говорил, мол, от всей деревни или типа того...

– Да кому угодно! Всем! – втолковать эту прозрачную очевидность оказалось непростым делом, и юный демократ начинал вскипать.

– То бишь сейчас с нами говорит целая трехпрудовая деревня, которая всю ночь просидела в яме с вывихнутой ногой? Хреновая у тебя деревня, друг! – отчитал юношу Гумбольдт, к чему Хряк, приняв оскорбленный вид, добавил:

– Хреноее не бывает. Местечко, вестимо, в заду у мира.

– Не считая милой деревеньки, что нам попалась вчера, – едко ввернул Хвет.

– Не вспоминай! У меня до сих пор мокрая жо от бега... Извини, Аврил.

– Да пожалуйста! Можешь всем рассказывать про свою мокрую жо, Хряк. Было бы кому интересно...

– И все же: что за деревня такая, где выбирают публить фигуры оборванца? – не унимался Хвет, так и не уловив сути. В дороге всякая тема – развлечение, а тут еще что-то новенькое...

– Деревня как деревня. Рыбаки живут. На берегу. Там, – Кир махнул рукой куда-то назад.

– На берегу пруда, значит... И, судя по всему, там есть еще два – не менее счастливых? То есть благополучных?

– Ну, да. Два с половиной... хм... один пруд наглухо зарос и обмелел лет десять тому... Зато лягушей там – прорва! Мы их продаем по всей долине! – с гордостью выпалил юноша, желая, вероятно, произвести впечатление этим животноводческим чудом. – Даже в Гребаных Пнях берут наших лягушей. Целыми корзинами, – он покрутил головой, ожидая какой-нибудь реакции – охрентельного восторга, например. – Даже в Пнях...

Ожидаемого восторга не последовало.

– А на что целой, блин, гребаной долине твои лягушки?

– Только не говори, что вы их едите! Фу! – воскликнула с отвращением Аврил.

– Так на что?

– Она сказала не говорить, – показал Кир в сторону идущей впереди девушки.

– Где там, говоришь, твоя деревня? – спросила Аврил, переключив тему с лягушек на географию.

– Там, – он снова махнул рукой, второй налегая на костыль.

– Но мы-то идем в другую сторону. Нет? Тебя ничего не смущает? Ты как домой попадешь?

– А я и не собираюсь возвращаться. Чего мне? Я был не понят, несправедливо подвергнут... о-стра-кизму, – неуверенно выдал он странное во всех отношениях словечко.

– М-м-м? Потому и сидел в яме, как жаба? Это они тебя так... отстракиздили? – любопытствовал Хряк, но девушка его перебила:

– Так ты из этих?! Ну, у которых *там* ничего нет? – Аврил аж подскочила от любопытства.

– Чего?.. – не понял ее Кир.

– Ну же! Хвет! Помнишь, как про них пелось в той дурацкой песенке? – Аврил промычала какую-то мелодию, пританцовывая в теплой пыли дороги. – Ну же?! Вспомни!

– Кастрат кастрату дважды рад? Ты про эту?

– Точно! Молодец! Кастрат кастрату дважды рад! Нет лучше для него наград! – запела она, счастливо улыбаясь.

– Не надо, Аврил, нас побьют эти милые селяне, – усмехнулся Хвет, глядя на телегу с мешками, проезжавшую мимо.

С телеги на артистов поглядывала смешливая девочка лет шести, активно показывая язык. Этого ей показалось недостаточно, и девчушка толкнула ногой одногодку-братца, который немедленно выдал уморительную пантомиму, завершив ее неприличным жестом. Сидящий на мешках мужчина отвесил мальчишке подзатыльник, приказал ему брать пример с сестры, принявшей смиренный вид, и одернул вожжами лошадь, чтобы быстрее миновать кучку подозрительных оборванцев.

– А при чем здесь кастрат? – резонно поинтересовался Кир, тоскливо провожая телегу взглядом. Идти ему становилось все труднее.

– Ты же сам сказал, что тебя... Как там? Отстракиздили, что ли, по самые не могу?

– Я сказал, что меня *подвергли отстракизму*. Короче, дали пинка под зад из деревни. Ясно тебе?

– А... – задумчиво протянула Аврил. – То есть у тебя *там* все в порядке?

– У меня *там* все в порядке. Если тебе интересно.

– Нисколько не интересно.

– Ну и ладно!

– Да пожалуйста!

Вся компания, каждый из которой выяснил для себя необходимое, снова шла молча, лишь сетуя иногда на голод и палящее не по-осеннему солнце.

Глава 5. ГУСЬ БУДУЩЕГО

За время, что неожиданно пополнившаяся труппа брела от рощи к своему временному жилищу, все как-то незаметно сдружились с Киром, оказавшимся хоть и редкостным занудой, помешанным на дурацких книжках, что и писать не стоило, зато неглупым парнем, с которым

было приятно поболтать. Общее утреннее приключение, история с ночным бегством у одних и рассказ о полутора днях, проведенных в яме, у другого немало тому способствовали.

Киру, голодному с раздувшейся, как пузырь, лодыжкой, дорога давалась с большим трудом, но он терпел несколько часов и только отшучивался, считая вслух «раз, два, три», пока не высох язык и кожа под мышкой не стерлась от костыля в кровь.

Примерно на середине пути, ковыляющий сзади и бледный, как крахмальная скатерть, он вконец сник, умолк и только сипло дышал, безуспешно стараясь не отстать. Приходилось то и дело останавливаться, поджидая плетущийся арьергард, пока тот выстукивал костылем в пыли. К полудню компания почти перестала двигаться вперед, словно замерев в солнечном киселе. Как выразился Хвет, их не обгоняли лишь дождевые черви, да и то пока не выползли на поверхность.

В конце концов Кир с виноватой улыбкой опустил на дорогу и дрожащим голосом сообщил, что сдвинуться с места ему не светит, если только какой-нибудь великан не даст ему доброго пинка в нужную сторону. И пинки эти придется повторять до самых Песьих Мусек, потому что приземляться он каждый раз будет на задницу, а вовсе не на то, что у других считается ногами. Что они могут оставить его на произвол судьбы здесь, посреди дороги, голодного, мучимого жаждой и увечного, и что сам бы он сделал с собой так, если бы не боялся божественного возмездия и отборных ругательств брошенного. Что по всем меркам так нельзя поступать с одиноким ими же вызволенным страдальцем, но они в своей жестокости могут, с них станется устроить и не такое...

Лепет Кира почти уж сходил на нет, когда Гумбольдт осоловело посмотрел на него и без всяких предисловий подставил сутулую спину в качестве экипажа.

С многословной помощью Хряка парень навьючился на долговязого, сцепив руки у него под шеей, после чего двухэтажная конструкция, снабженная балансирующим в воздухе костылем, небыстро двинулась вдоль дороги. К счастью, пассажир вел себя смирно и весил не больше пары связанных веревкой жердей.

– Ты чего такой тощий? – спросил его Гумбольдт.

– Готовился ехать на тебе, – ответил Кир, кивая в такт шагам своего носильщика. – Не подвел?

– Даже перестарался, – заключил тот и передернул плечами, отгоняя от шеи мух. – Почеши плечо, а? Слепень укусил. Чешется, аж сил нет.

– Не выйдет, иначе я сорвусь. Достаточно того, что я тощ – считай это подарком судьбы и смиришься с остальным дерьмом, – Кир, кажется, уже перенял манеру шутить, принятую в труппе.

– Неблагодарный тощий ублюдок, – беззлобно вздохнул Гумбольдт, продолжая идти вперед.

– Женщины любят упитанных, – встрял семенящий сзади толстяк, обуянный от голода словесным поносом. Затем он изрядно помолчал и суровым тоном предрек: – Ты, парень, умрешь бездетным.

– А у тебя-то сколько детей? – огрызнулся Кир со своего шагающего насеста.

– У меня все впереди, – уклончиво отозвался Хряк. – Я как раз приобрел нужную форму для беспорядочных соитий, если бы не этот ночной галоп. Теперь придется все начинать сначала. – Отдадим должное: толстяк был весьма проворен и чертовски вынослив для своей комплекции. Насчет любовных подвигов – чего не знаем, того не знаем. – Аврил, только посмотри на это: теперь я тощ, как оглобля. Утратил весь, мать его, шарм! Аврил?

– Тебе не даст даже тыква, – вяло ответила она, не оборачиваясь. На большее девушки не хватило.

Аврил плелась из последних сил, совершенно измотанная за ночь. Из-под лопатки продолжала сочиться кровь, и Хвет с тревогой поглядывал на сестру, которая всякий раз отказывалась от помощи.

– Ты как?

– Не очень. Иду пока...

– Может, остановимся?

– Тогда уж я точно не встану. Надо найти воду. Жарко.

Погода и впрямь была непривычно теплой для осени. Плечи и затылок грело, как от печи. Солнце в безоблачном бледном небе разошлось по-майски, и сбитые с толку пчелы кружили над лугами, не находя в них цветов. Через поле, обезумев от оптимизма, пронесся долговязый ушастый заяц и скрылся в оголившемся пролеске, чтобы сильно удивить там какую-нибудь зайчиху.

Вокруг простирались бесконечные убранные поля, кудые рощицы на межах, и ни одного ручейка или колодца на горизонте. Уже с час путники никого не встречали на дороге, лишь вдалеке паслись черные, как грачи, коровы да кто-то невидимый жег траву за холмом – в воздухе стоял тонкий запах дымка. Земля, отдав урожай, словно обезлюдела и заснула в тиши до другой весны, стряхнув с себя беспокойных крестьян с их бабами, лошадьми и тяжелыми возами.

– Потерпи. Скоро, по-моему, будет хутор, – подбодрил сестру Хвет.

Сам он казался двужильным, как сказочный Конек-Горбунук: отдых парню почти не требовался – он шел, все так же пружиня и размахивая руками, только глаза под рыжим чубом темнели и губы сжимались в тонкую полоску.

Хвет оказался прав: из-за поворота дороги, огибающей зеленый жизнерадостный холм, показались ульи, брошенная телега и крыши, окруженные садовыми деревьями. У телеги бродила стреноженная кобыла, шаря черными губами по траве. Ее обществу радовались мухи.

Вид человеческого жилья добавил путникам крупницу оживления – малую, как горчичное зерно, но довольную для совершения чуда. Кир вытянул шею в предвкушении отдыха и перестал постанывать от разрывающей ногу боли. Аврил подняла лицо, поправив собранные узлом волосы. А Хряк громко высказался насчет любовных свойств крестьянок в маленьких деревушках, но характеристик этих мы приводить не станем, чтобы не смущать читателя (тем более всякое случается, и они могут оказаться правдой).

На самом краю хутора, столь малого, что, помимо этого края, в нем и не было ничего иного, в огороде, утыканном чучелами с густотой боевой шеренги, ковырял мотыгой старик, охаживая гряду с мелкими, недобрыми на вид кабачками. Овощи имели несвойственный бахчевым фиолетовый оттенок и заостренными своими концами в подражание стрелке компаса лежали строго на юг. По старательным движениям огородника было видно, что он немалый энтузиаст по жизни, которого в ступе не утолочь. Это же следовало из самой попытки получить теплолюбивый урожай на открытом грунте в Северном кантоне, где даже крысы выходили на прогулку в пальто – правда, не все и не каждый день.

Хряк подошел к плетеной ограде и вежливо, как мог, окликнул крестьянина:

– Эй, старый стрый! Мир тебе! У нас раненый и девка в самом соку! Не поможешь?!

Аврил, несмотря на усталость, невольно прыснула от смеха. Хряк умел подбодрить, хотя галантности ему явно не доставало. Это слово даже рядом не валялось у его колыбели.

Огородник обернулся, медленно поднимая мотыгу, и недовольно выставил подбородок в сторону пришедших. Его куцая борода пришла в движение. Если бы среди летописцев было чуть больше крестьян и поменьше иссохших в унылых каморах фантазеров, в истории человечества рядом с «карающим мечом» и «жезлом правосудия» непременно бы нашлось место «мотыге великого возмездия». Ее сестра во плоти сейчас угрожающе нависала над головой старца, хотя и в дарующем безопасность отдалении от пришельцев.

– Так чо, мон бутон?! Мы зайдем?! – уточнил Хряк, надавливая на хлипкую ограду пузом.

Та жалобно затрещала, грозя рухнуть вместе с надетыми на колья пучками ветел, устроенных для отпугивания птиц. На каждом из них сидело по упитанной сороке, строящей гипотезы насчет осуществленного человеком замысла.

Вредный старик промычал невнятное, яростно замотав головой в ответ. Мотыга заходила из стороны в сторону. Кабачки щерились с гряды злыми фиолетовыми лицами, как лесные альвы, которым предложили платить налоги. Что бы оно ни значило, было самонадеянно считать эту пантомиму за согласие приютить странников.

Возникло минутное замешательство, разрешившееся самым неожиданным образом.

Из-за обобранного малинника прямо на стоящую у плетня компанию вышла полудюжина крупных серых гусей, занятых оживленным разговором. Увлеченные полемикой и не привыкшие к опасностям птицы едва не налетели на людей. Первые двое вытянули шеи, расставив крылья, и испуганно загоготали. Те же, что шли за ними, поднаддали, не уловив остроты момента...

Сидящий на земле Кир мгновенно оказался обладателем двух трепыхающихся тушек, сомкнув пальцы под клювами предводителей птичьей стаи. Невероятным усилием он встал на одной ноге и поднял свою добычу, демонстрируя ее огороднику.

Мотыга описала в воздухе кривую восьмерку и пала на утопанную межу, лишив жизни черного жука-короеда. От возмущения такой наглостью старик лишь беззвучно открывал и закрывал рот, глядя на угрозу своему движимому имуществу, трепыхающемуся в руках негодея.

– Или ты, чертова кукла, сейчас же дашь нам воды и накормишь, или мы экс-пор-пер... а-а! Короче, ты недосчитаешься двух гусей! Клянусь этими гусями, что так и будет!

– И оградой, – поддакнул Хряк, напирая животом на плетень. – Клянемся оградой и гусями, старый мошенник.

– Давай, дед, суши подштанники. Нам правда нужна помощь. Не взыщи, мы пришли с добром, – пособил огороднику с решением Гумбольдт – известный в узких кругах философ.

Хвет посмотрел на шатающуюся сестру и с места перескочил ограду, решив, что переговоры затянулись. Аврил попыталась мило улыбнуться, но лишь скривилась, будто от гнилого гриба на вилке, а Кир еще раз выразительно потряс гусями и рухнул с ними в траву, не устояв на одной ноге. В воздухе над ним меланхолично кружили перья.

На перевернутой бочке стоял емкий горшок бобовой каши, густо сдобренной сметаной. Все пятеро сидели в тени сарая, наслаждаясь сытостью и прохладой.

– У тебя интересное представление о справедливости, парень, – заметил Киру Гумбольдт, отирая ложку о тряпицу, заменявшую прищельцам скатерть.

Не то чтобы он сильно возражал против обеда, но был несколько озадачен выдвинутой Киrom аргументацией. Ему-то казалось, что они просто ворвались на чужой двор, потребовав их накормить и обиходить. Неплохо, конечно, хотя и немного варварски.

– Типичный кулак и мещанин! – отозвался о хозяине Кир, с силой перетягивая лодыжку. Старик у него вызывал необъяснимое раздражение. – Человек прошлого.

– Ага. Старый совсем. Еле метлу держит, – согласился Хряк, уплетая кашу за четверых.

Хозяин уже с час старательно подметал крыльцо, не желая выпускать незваных гостей из виду. Его жена торчала кукушкой из окна своего домика, то и дело поправляя косынку. Оба с нетерпением ждали, когда прекратится это нашествие.

Бродяги и в самом деле выглядели из рук вон плохо, будто по ним прошелся табун, но и звать каждого встречного себе на двор, поить-кормить – было делом не из самых. Тем паче таких прощелыг, как эти, от которых за версту несло актерством и прочими вывертами коленца.

– Я не о том, что он старый пень. А отживший вид он! Понимаешь, Хряк? Пережиток. У него прошлое в кишки въелось, не выведешь. Гуся ему жалко! А людей ему не жалко, хапуге? Огородился тут забором на своем хуторе, сидит, как муха на коровьем... – Кир покосился на Аврил. – В будущем все добро будет общим, и страны перестанут воевать промеж собой. Зачем, раз все принадлежит всем и нет никаких хозяев? – юноша назидательно поднял палец, вестимо, указуя им на грядущее, казавшееся ему светлее некуда.

Гумбольдт с усмешкой пожал плечами:

– Ну, тогда за гуся будущего! – и поднял кувшин с компотом, который смотрелся кружкой в его широченной лапе.

– И за человека прошлого! Все же он нас от пуза накормил как-никак... – ввязался неугомонный Хряк, скребя ложкой по дну горшка.

– Вы б помогли ему, что ли, с огородом? Обидели старика, – заступилась за хозяина Аврил, пропустившая мимо ушей политическую эскападу Кира.

Вся эта болтовня казалась ей сущим бредом, к тому же плечо беспрестанно ныло.

– Да поможем, обожди. Сейчас перекусим немножко – и тут поможем. Эй, стрый?! Тебе помочь, а?! До костей земли проскребешь! Могилу, что ли, себе копаешь?!

Дед на крыльце только зло поводил бородкой, продолжая гулять метлой по чистым, как столешница, доскам.

Дальнейший путь ладился куда лучше, и вскоре за очередным холмом показалась окраина вожделенных скитальцами Песьих Мусек.

Глава 6. КОНИ И КОНЮХИ

Посреди утоптанного манежа стоял черный, блестящий, как обсидиановый божок, гигант Бандон в обрезанных холщовых штанах и с голым торсом, достойным скульптора. При каждом движении под его кожей перекачивались бугры мышц, которых хватило бы на четверых обычных мужчин. Люди его наружности – выходцы из-за Круглого моря – были редкостью в этих местах и селились обычно не севернее столицы, наводняя «черные» кварталы города, похожего на раздавленную медузу. Но и там не нашлось бы много людей столь внушительных габаритов.

Неудивительно, что вокруг манежа собралась толпа зевак, тем паче в выходной день, когда местные жители занимались только тремя вещами: гуляли, ели и создавали себе подобных. Несколько плодов деревенской любви, глазающих с отцовских загривков из-за ограды, от такой небывальщины даже перестали мусолить пряники, которыми торговали у таверны.

Сейчас Бандон управлялся с каурым необъезженным жеребцом, пытавшимся проломить ворота. Копыта размером с блюдо топтали мокрый песок манежа с такой яростью, будто скотина возомнила оставить синяки на самом теле несущей его планеты. Жеребец рвал смоленую корду и косил на гиганта глазом, таким же черным, как его двуногий противник.

– Шать! Шать! – орал на него великан, крепко держа узду одной рукой.

Весу в нем было ненамного меньше, и, как ни метался жеребец, Бандон стоял на своих двоих, словно вкопанный, то стравливая, то укорачивая корд.

Схватка продолжалась уже больше часа, и кто-то один должен был вот-вот сдаться. Судя по всему, победителем выходил двуногий. По крайней мере с его губ не срывались хлопья розовой пены, и он не хрипел на вдохе. Более того, Бандон радостно лыбился чему-то, глядя на жеребца, прячущихся за оградой деревенских и статную хозяйскую дочь, то и дело сновавшую туда-сюда у конюшен. Кажется, он был совершенно счастлив в этот теплый солнечный день, суливший только хорошее.

– Хватит мучить скотину, надо поговорить! – крикнул ему кто-то из прилепившейся к ограде толпы.

Великан обернулся на голос, и в этот момент жеребец отчаянно рванул, протащив застигнутого врасплох наставника по манежу. Мужчины радостно засвистели, женская часть собрания ахнула от испуга, дети закрутили головами, роняя пряники и решая, к кому присоединиться. Кто-то из молчунов отыграл поставленный на скотину медяк.

– Бандон! Злокозненный баобаб! Прекрати развлекаться и тащи свою замазанную задницу сюда! – нисколько не милосердствуя, наседа на великана какой-то парень, ловко ввинчиваясь в первый ряд.

– Хвет! – отозвался тот, сплевывая песок. – Я не ждал! Чо так рано? А где все?

– Ты задаешь слишком много вопросов для огромного черного остолопа, – парень уже сидел на столбе ограды и оттуда взирал на прерванное единоборство.

Жеребец тяжело дышал, недобро посматривая на скрестившего ноги акробата, болтающего с его мучителем. Бандон же как ни в чем не бывало отер ладонью разбитую губу и, протянув к себе, привязал жеребца к железному кольцу, вделанному в столб.

– Пить ему пока не давайте, перегорит. Пусть остынет, – напутствовал он кого-то, тяжело перебираясь на другую сторону. Бруски ограды жалобно скрипнули и прогнулись.

За ним по-кошачьи ловко спрыгнул акробат, увлекая товарища от конюшен в сторону постоянного двора. Там в главном зале, заняв большой стол в углу, их приветствовала остальная часть труппы, пополнившаяся спасенным чудачком с перевязанной ногой. Сейчас он безостановочно ел рагу из пареной репы с горохом, опустошая горшок, рассчитанный минимум на троих. Хряк с одобрением и одновременно с опаской смотрел на конкурента.

Бандон подошел и приветствовал компанию, приподняв зеленую кепи, откуда-то взявшуюся на его бритой голове цвета палисандра. К слову скажем, великан питал страсть ко всему яркому и цветному. Возможно, это свойственно многим, однако далеко не все могут позволить себе успокоить кривляющихся насмешников одним взглядом, подкрепленным кулаком размером с лицо. Один такой, прошедшийся спьяну по розовой майке с вышитой на ней черепахой, которую Бандон обожал надевать за ужином, с прошлой ночи валялся на сеновале без сознания. Его новые друзья после этого безоговорочно признали право гостя на оригинальность, в чем бы она ни выражалась, лишь бы не в его кулаках. Кое-кто из них даже прицепил к куртке букетик полевых цветов, отдавая должное новому тренду сельской моды.

– Что-то случилось?! На тебе лица нет! – возопил Хряк, делая испуганную рожу. – Тебе не говорила мама, что сидеть за столом в шляпуре невежливо? Эй, кто-нибудь, позовите маму этого чудовища!

– Его же вырезали из дерева, дружище! Бревно без лица – это нормально, – поддержал партнера Гумбольдт. – Если у него и есть родственники, то это кроты и вся остальная дрянь, живущая под корнями.

– Белки! Ты должен ненавидеть белок, гадающих у тебя в дупле, – заключил Хряк.

После оба клоуна замолчали, опрокинув в глотку свежего смолистого пива. Хряк рыгнул и демонстративно устался в потолок с байроновским видом.

Великан остался к репликам безучастен и небрежно сел на скамью, раздвинув товарищей по ее концам. Хвет ловко пристроился напротив. За столом возникло тягостное молчание.

– Похоже, ты забыл вопрос, который хотел задать? – подбодрил великана Хряк с пивными усами поверх жидкой полоски собственных, отросших за последние дни. – Например, какого хрена мы тут делаем, оборванные и грязные? И где наша повозка? Ну же, не стесняйся, малыш, спрашивай! Мы крайне расположены к разговору, – ядовито подначил его толстяк, ерзая на скамейке.

– За что люблю вас, ребята, – вы метете языком, даже по уши обтрухавшись, – пробасил громила, глянув на Кира и, кажется, только сейчас обратив на него внимание. – Это кто? Ты кто?

Тот быстро запихал в рот кусок хлеба и подавился, попытавшись одновременно ответить.

– О, Бан! Это – выборочная деревенщина! Зовут Киром. Только смотри на него быстрее: на ночь он забирается в яму и там общается с народом. Вишь? Вот-вот сбежит! А то уже пора – народ, поди, заждался послушать. Сей костыль ему – для скорости и для страху, – молвил Хряк, допивая из своей кружки и беспардонно потянувшись к соседской.

Кир расплылся в самой идиотской улыбке из своего репертуара, щедро сдобренной растертой по зубам репкой, за убылью коей пришлось заказать еще горшок. Под него товарищи поведали Бандону произошедшую в лесах историю увлекательных приключений, соблазнительных знакомств и героических поступков. Каждый отличился, истребив не менее десятка медведей, по дюжине горных троллей и наскоро переспав с храмовым гаремом. Аврил взялась уточнять, что нынче в приличные гаремы также принимают и юношей, но на нее дружно замахаля руками, поставив оное под сомнение. Тогда девушка сдалась, признав, что и она, увы, весьма неразборчива в связях, полагаясь на скупую удачу, которой привалило вдруг целый воз.

– ...однако мы неизбежно понесли потери, – констатировал под конец Гумбольдт, принимаясь за куриную ногу.

– Вы профукали наше добро, – не в тон ему отрубил Бандон.

– Ну да. Если говорить грубо.

– Если грубо, хреновы раздолбаи, – извини, Ав, к тебе это не относится – мы теперь без гроша в кармане! Вы зачем туда вообще поперлись?!

– Не все, – парировал Хвет, почему-то косясь на Кира. – *Кое-кто* был оставлен в стратегическом резерве и сохранил долю обобществленного имущества.

– Какого чьего имущества?! – проревел Бандон, по капле выходя из себя.

– Обобществленного, – ввязался Кир, которого развезло с горячей пищи и щедрой кружки ячменного, которое разливали в таверне. – Социальная справедливость требует... отказаться от собственности в пользу... коллектива. Да. Это многократно доказано.

– Во! Парень-то не debil! – поддакнул Хряк.

– А парня не били за эту хрень в той дыре, из которой он вылез? – поинтересовался Бандон.

– Били, – горько признал захмелевший Кир, уронив голову на стол.

– И правильно делали, – снова согласился Хряк, оказавшись беспринципной скотиной. – Лично я бы еще дубину им принес, когда первая переломится. Уж больно умный. Не нашего огорода репа!

– Ты – перекасти-поле и дурак. У тебя даже блохи в коробке никогда не водилось, не то что своего огорода, – возразил Гумбольдт, меланхолично глодая хрящ.

– Я выражаюсь фигурально, безглазая ты дылда.

– Заткнитесь, вы, оба! – проревел Бандон, нависая над столом, как десять ангелов мщения над градом обреченным. – Аврил, солнышко, скажи, что нам теперь делать?

– Бабам слова не давали! – снова вылез на сцену Хряк. – Эй, человек! Пива еще! Что встал?

– Женщины имеют равные права... – проямлил Кир из сытого забытья. – Ибо, – тут он поднял голову от стола, вдохнул и, воздев палец, замер, уставившись куда-то округлившимися глазами.

Все проследили за его взглядом.

На дворе в сумерках стояла, тяжело поводя боками, пятнистая приземистая кобыла в цветной упряжи. К ней цеплялась, накренившись, бричка без заднего колеса. Морда лошади упиралась в окно. Она с укоризной смотрела на своих выпивающих владельцев и тихо материлась, шевеля изжеванными губами.

«Ах ты, милая!», «Кляча! Родная!», «Как же ты нас нашла?!», «Она лесом ушла от упырей!», «Что за лошадь!», «Золото ты наше!» – дружно раздалось за столом, и все выметнулись на двор, чтобы приветствовать чудом нашедшуюся Клячу.

Много позже, когда все уже снова сидели в зале, а Кляча пребывала в конюшне, со двора вернулся Гумбольдт с лицом, вытянутым, как жердь, то есть еще больше обычного:

– Я только что видел караван Черного Гарри. Он двинул в сторону озера.

– Этот продавец мяса вечно наступает нам на пятки, – с досадой ответил Хвет, бросая чесночину на тарелку.

Новость была не из лучших. Такой же скиталец, вечный конкурент «Прыгающей лягушки», устраивавший по всей Кварте борцовские поединки, то и дело оказывался рядом и все портил, нарываясь на драку. Он хотел снова заполучить Бандона, да и от Аврил бы ни разу не отказался. Намерения тут были различны, хотя с Гарри никогда нельзя быть уверенным до конца.

Безумный вечно пьяный антрепренер откалывал шуточки, о которых не стоило рассказывать детям на ночь. Его команда борцов с переломанными ушами и мозгами, как квашеная капуста, то и дело промышляла грабежом. Все это вроде знали, но никому еще не удалось их прищучить на месте преступления. По крайней мере, никому, кто смог бы потом рассказать об этом.

– Сматываем удочки. Я не хочу неприятностей, – сказал Бандон и резко встал из-за стола. – Эй, посчитай нам! – крикнул он мальчишке-официанту, топтавшемуся по залу с подносом.

Произошло короткое обсуждение, мол, не стоит овчина выделки – снова впрягаться в драку с этой сворой потных уродов. На это Хряк возразил, что отдавать кусок хлеба какому-то ублюдку – не дело, и если Гарри такой ушлый, пусть попробует полизать вот это... Но толстяка осадил идеей насчет того, что, может, Черный и не отказался бы, да только потом Хряк это сделает каждому из его ребят. Тут уже Аврил сказала «Фу!», и все сошлись на том, что надо порасспросить, откуда притащились незваные гости, и туда и двинуть, ибо те уж, вестимо, не будут возвращаться по собственным следам. «А мы, значит, будем?» – спросил не в шутку распалившийся Хряк, обильно зарядившийся ячменным. А мы что-нибудь придумаем, ответили ему и налили еще пива для податливости ума.

На рассвете накормленная и почищенная Кляча, будучи авангардом «Прыгающей лягушки», хотя и была, несомненно, лошадей, вытянула за ворота раскрашенную повозку, за которой шли, кутаясь в тряпье, невыспавшиеся артисты.

Кир, еще не решивший, кто он есть в сей озорной ватаге, мерно покачивался на мешках, будучи за последние месяцы самым сомнительным приобретением труппы (после старых заржавленных доспехов, которые Гумбольдт клялся начистить до блеска, но так и не начистил).

Если бы не страдавший от несварения Черный Гарри, тихое бегство было бы никем не замечено. Поднять тревогу ему мешали спущенные штаны и драка неизвестных ингредиентов вчерашнего рагу в животе. Что ни говори, повара из борцов, как из пращи скалка. Не надо было жаться и экономить на ужине в таверне... Гарри проводил мутным взглядом удаляющуюся труппу, отхлебнул самогона из ополовиненной бутылки и пообещал себе разобраться с этим позже.

Глава 7. ГРАФСТВО ВЕСТИНГАРД

Леди Ралина фон Вестингард сжала тонкие губы и глубоко вдохнула через нос, глядя на своего мужа, графа Клязиуса фон Вестингарда, который спал в громоздком глубоком кресле, облепленный котами всех возможных расцветок.

В открытое окно дышала осень, бессильная против обжигающего дыхания огромного очага, в котором, кажется, полыхал целый амбар. Кисточки пледа, свисающего с кресла, и несколько из котов, устроившихся с краю, дымились от его жара. В воздухе висел легкий запах

духов и яблоневого дыма. И еще каких-то редчайших благовоний, навевавших мысли о крайне подозрительных ритуалах в заброшенных подземельях, после которых на земле становилось чуть меньше девственниц и чуть больше гуляющих по ночам чудовищ.

На лице графа читалось полнейшая безмятежность, столь всеобъемлющая и плотная, что носимые ветром листья не залетали в окна, тихо опускаясь на дорожки. Трава уютно шуршала, рассказывая о происходящем на поверхности слепым корням. В отдалении у подножия холма, на котором возвышалась громада дома, словно кто-то отчеркнул линейкой границу двух миров: буря там в бешеной круговерти ломала стволы деревьев, и не было даже намека на уютное затишье, царившее наверху.

Леди Ралина подошла к креслу и, не меняя выражения лица, сдвинула его на несколько шагов. Точнее, походя толкнула рукой – так, что вся насыщенная мурлыканьем композиция отъехала по мозаичному полу, едва не перевернувшись. Самые неловкие из животных свалились на пол, как переспевшие сливы, метнувшись к спасительному острову в весьма смешанных чувствах: на секунду им показалось, что гигантская летучая мышь проглотит их сейчас на несколько поколений вперед – вкупе с еще не рожденными котятками...

Чур! Чур, коты! Забудьте увиденное, ибо сие выше вашего разумения. Скорее в кресло! Там вас ждет тепло и покой.

Граф лишь пошарил унизанной перстнями рукой, натягивая на грудь съехавший к ногам плед. Кроваво-алый рубин глухо стукнул о переливающуюся бриллиантовую рыбку. Мужчина на мгновение приоткрыл глаз, скользнув из-под брови продолговатым изумрудным зрачком, и снова погрузился в негу с полуулыбкой скучающего божества.

Женщина в черных кружевах послала ему воздушный поцелуй, шутливо погрозив пальцем. Через секунду ее уже не было рядом с мужем. В огромном полупустом кабинете воцарилось совершенное безмолвие. Даже метущееся в очаге пламя, в котором ворочались, погибая, огромные яблоневые поленья, отдавало вовне лишь ароматные волны жара, не смея нарушить плотную тишину.

– Здравствуйте в долгие веки, хозяйка дома сего, – неуклюже, словно заученное через силу, вымолвил дожидавшийся в глубине библиотеки гость, стараясь не смотреть в глаза вошедшей.

Зато он внимательнейшим образом следил за ее руками, будто каждая из белых узких ладоней была головой змеи, готовой впиться в него зубами.

– Добро пожаловать и тебе, Грязнуля, – с усмешкой приветствовала его графиня, плывя в длинном платье над узорчатым ковром, походкой, которую безуспешно копируют в лучших модельных школах.

Девушки могли бы, в принципе, научиться так владеть своим телом, но они, увы, слишком быстро превращаются в старушек, чтобы практиковаться достаточно для приличного результата.

– Я принес то, что ты приказывала, – сквозь зубы процедил низкорослый горбун, стоя за подставкой для книг, словно за боевым укрытием.

Маневр не укрылся от пронизательных глаз хозяйки. Рот ее и без того склонный к саркастической гримасе, чуть съехал в сторону. Впрочем, это становится естественной реакцией на вещи после восьми тысяч лет в земной юдоли. Графиня, только что бывшая у дверей, как бы невзначай оказалась у гостя за спиной, заставив того резко обернуться. В его глазах читался ужас.

Конусообразная голова гостя была увенчана широкополой грязно-коричневой шляпой, усаженной пятнами птичьего помета. На босые ноги лучше было не смотреть вовсе. Обе руки он держал в глубоких карманах куртки, сшитой из пластов задубевшей кожи.

– Положи *это* на стол... Если дотянешься, – в тоне графини слышалось неприкрытое презрение.

– Слушаюсь, госпожа, – последнее слово было едва слышно, будто кто-то вычищал грязь из-под ногтей, орудуя зубочисткой.

Горбун вытащил из кармана сжатую в кулак левую руку. Затем поднес ее к краю стола, вытянувшись, насколько мог. Чтобы положить содержимое на столешницу ему волей-неволей пришлось встать на цыпочки. Лицо горбуна перекосило от придавленной страхом ненависти и стыда за свое уродливое тело, будто его вывели голым на площадь в рыночный день. «Я не всегда был таким!» – словно кричали его глаза, таращась из-под шляпы.

Графиня, казалось, перестала обращать на него внимание, взяв с полки маленький пухлый томик. «Pride and Prejudice. Jane Austen. London, 1813» [7].

Ладонь Грязнули с короткими, толстыми, как сук, пальцами была необыкновенно широка, будто приставленная от куда большего существа. Из нее на мореный дуб выпало несколько цветных, испещренных точками камешков, напоминающих игральные кости с множеством неправильной формы граней. Выпростав другую руку, он положил рядом с ними нацарапанную на пластинке слюды записку – помещенные в квадрат черточки и точки, филигранно нанесенные острым тонким резцом и затертые красным туфом.

– Это все, – то ли утверждал, то ли спросил графиню горбун, снова пряча руки в карманы.

– Пока, – ответила та, будто удивившись присутствию гостя, который, казалось, уже выходил за дверь, а теперь вдруг обнаружился за столом, требуя штрудель и двойной эспresso.

Графиня отложила томик и притронулась к лежащим на столе предметам, словно к обреченным кем-то безделушкам, а затем резко повернула к горбуну бледное, красивое лицо, плотно сжав губы. Ее пальцы сделали небрежное движение, каким стряхивают крошки с колен. Грязнуля, закрипев зубами, выбежал вон через стеклянную дверь, ведущую в парк, и сгинул во тьме осенней ночи.

За последние минуты значительно стемнело, будто кто-то задернул над небом полог. Далекие всполохи освещали ступени и контуры статуй под оголившимися липами, построенными в аллее. Вдалеке светился лунным серебром пруд, и желтая мощеная дорога вела через луг к мятущемуся от бури лесу.

Графиня провела руками по волосам и расслабленно опустилась в жесткое кресло с высокой спинкой. В эту же секунду ветер ворвался в огромный дом через множество открытых дверей и окон, которые закрипели и захлопали на сквозняках. Пламя сорвалось со свечей, комната погрузилась в беспокойную темноту.

Графиня в кресле закрыла глаза, смахнув со стола принесенные горбуном предметы, и горько улыбнулась чему-то.

Молния прочертила небо совсем рядом, ударив в одну из статуй, на мгновение истребив все тени. На луг упало несколько крупных, как лепестки, снежинок.

– Она вернулась, – ни к кому не обращаясь, прошептала графиня в темноте.

Впрочем, когда живешь в таком *месте*, что бы ты ни сказала, точно будет услышано... Сброшенные на ковер камешки сами собой перевернулись, соединившись краями.

Нигде вокруг дома и дальше до самой стены леса не было видно ни сторожки охранника, ни ограды, ни хотя бы живой изгороди, коими обносят свои владения вельможи из топографического приличия. Но ни одному грабителю, уверяю вас, не пришло бы в голову в страшном сне поживиться богатствами открытого всем ветрам дома Вестингардов, единственная и вечная наследница которых сидела сейчас в библиотеке, размышляя над переданным ей гномьим посланием.

Глава 8. СЕДЬМАЯ ОБЕЗЬЯНА

По одной из выбранных наугад дорог уже гораздо после полудня знаменитая среди своих членов труппа «Прыгающая лягушка» перебиралась с одного места на другое, стараясь поспеть до темноты. На этот раз справа и слева от дороги простирались вересковые равнины, настолько низменные и ровные, что то и дело превращались в болота. Зеркальца воды блестели под солнцем шкурой фантастического дракона – убежденного покровителя комаров и мошек, кружащих облаками над всяким путником, которому выпала неудача идти этими восхитительными местами.

– Шесть – несчастливое число, – заявил Хряк, хлопая себя по плечам метелкой.

– С лошастью нас семеро, – заметил Гумбольдт.

Спасаясь от гнуса (скажем по-благородному: в целях конспиративных) он измазал лицо и руки в грязи и теперь казался истощенным близнецом Бандона. Разочарованные комары кружили вокруг него, сетуя на грязь и завидуя тем, кто отправился на кровопой к лошади.

– Кляча не участвует в представлениях, поэтому не считается, – возразил Хряк, меланхолично отмахиваясь от насекомых.

– Зато тебя можно считать за двоих, – Аврил похлопала по брюху сидящего рядом в повозке толстяка.

– О, как приятно! Ты можешь делать это, когда захочется. Даже ночью, милая, не стесняйся, – расплылся тот в довольной улыбке и сыто хрюкнул, забросив в рот земляной орех.

– Жалкий, неубедительный хрюк, – тут же влез Гумбольдт, устало бредущий за повозкой, костлявый и нескладный, как жеребенок, вставший на задние ноги.

– Это потому, что я уже сказал: нам нужен еще один актер в труппу. Сила моего таланта блекнет под древней магией чисел. Даже несчастный хрюк – и тот подводит меня!

– Я не актер, – возразил было Кир насчет подведенной арифметики.

– Заткнись! – дружно ответили ему пять раздраженных голосов.

Вследствие своей травмы он постоянно ехал в повозке, что считалось непростительной привилегией, допускавшей лишь в отношении единственной в труппе дамы. Сидячие места распределялись по очереди, и каждый новый участник сокращал время отдыха остальных. Сейчас там помимо Кира прохлаждались еще Аврил, Хвет и Хряк. Остальные шлепали по грязи на узкой проселочной дороге за колесами своего неуклюжего транспорта.

– Возможно, он прав. Всю неделю мы только ссоримся и не заработали, считай, ни гроша. Хорошо хоть удалось продать несколько «веевов необоримого соблазнения» и «ушных капель шейха Сералия» из старых запасов. Не представляю, как люди клюют на такую чушь?.. – поддержал товарища Хвет. – А если бы Кляча не вернулась?

– О Кляча! О вершительница судеб! Ты нас спасла, простив все прегрешенья, которыми мы черны пред тобой! – продекламировала нараспев Аврил, раскачиваясь на мешке с крупой. – Я должна играть в драме на королевских подмостках, а не бросаться ножами в сноп в этой жалкой ватаге неудачников.

– Только неудачники могли доверить тебе целый сноп. Приличные люди не подпустили бы тебя даже протирать тряпкой кирпич.

– Хвет, ты идиот.

– Хвет, она права.

– Хряк, ты не лучше.

– Зато меня гораздо больше. Хочешь орешку?

Сценическое платье Аврил пришло в полную негодность во время недавнего бегства через лес, и теперь она выступала в роли романтического юноши Аврила в праздничных штанах своего брата, конфискованных с гарантией бережного обращения. Все бы хорошо, если бы не грива волос и приметная теснота под сорочкой, кою не удалось скрыть конфискованным вдобавок жилетом.

Все старались сохранять оптимизм, но дела труппы пришли в полный упадок. Деньги подошли к той опасной черте, за которой начиналось их полное отсутствие. Год был неурожайным, селяне с радостью гоготали на представлении, но совершенно ничего не платили. Провианта вдоволь было только для Клячи, с удовольствием питавшейся тем, чего росло вдоль дороги. Ближе к зиме не будет и этого. Продать лошадь какому-нибудь фермеру означало расстаться с возможностью гастролировать. Тогда уж проще распродать за бесценок все и самим отправиться в батраки. Или переквалифицироваться в охотники... Бандон, например, дикий и прирожденный следопыт, нашел в траве мертвого зайца, околевшего от чумки. Успехи охоты этим пока исчерпывались.

– Если мы окончательно прогорим, Аврил, по крайней мере, может выйти замуж за мясника и подкармливать нас обрезками, – горько сострил Гумбольдт. К вечеру похолодало, и тощий клоун, сколько ни кутался в тряпье, плелся, стуча зубами.

– За что ты так ненавидишь мясников? Я вот терпеть не могу трактирщиков. Путь она достанется одному из них – гнусному одноногому старикашке, которого окончательно доконает.

– Спасибо, братец.

– Трактирщик меня тоже устроит. Кто угодно, у кого есть жратва и теплый сарай, – подержал идею Хряк. – Трактирщик даже лучше, чем мясник: у трактирщика вечно есть пиво.

– Говорят, в Сыре недавно открыли новый театр, – мечтательно сказала Аврил, проигнорировав треп насчет ее замужества. – Вот дерьмо! Представь, Хвет: настоящая труппа с собственным гримером!

– Пацаны, нам срочно нужен гример. Когда будем проезжать деревню, подберите в луже кого-нибудь, кто отличается от свиньи. Все гримеры – алкаши. Обратное тоже верно. Чо бы нет?

– Я же говорю, нам не хватает одного, – твердо произнес толстяк и добавил, посмотрев на плетущихся за повозкой коллег: – Соглашусь с вами, друзья мои: пусть он будет компактен и неприметен, ибо мои величие и тучность не должны затмеваться случайным прощельгой.

– Ученая собака? – предложил молчаливый Бандон, заставить говорить которого можно было, лишь прилично достав чем-нибудь. – Я бы завел песика. С ним не скучно. И еще он может охранять повозку, когда все спят.

– Чтобы охранять нас во время сна, уж лучше вбить тебе гвоздь в деревянный зад, ходячий ты баобаба, чтобы не спал ты сам и бдел наше благополучие. Говорят, в королевскую стражу прям-таки ящиками поставляют гвозди. Уверен, что с этой целью, – предложил Хряк, дотянуться до которого Бандону было не с руки.

– Нет, Кляча этого не одобрит, – возразил ему сидящий спиной Хвет.

– Чего именно?

– Ни первого, ни второго. Она – добрая душа, но люто ненавидит собак. Хотя идея с гвоздями не лишена привлекательности. Как, Бан? Попробуем на привале? – подмигнул он здоровяку. – Я думаю, нам нужна...

– Дрессированная обезьянка! – воскликнула в восхищении Аврил, аж подпрыгнув от собственной идеи. – Представляешь?! Класс! Я научу ее танцевать, собирать со шляпой монеты и вытягивать из шкапулки гадальные карты. Помнишь, мы видели такую в цирке Косого Барабаса? Публика визжала от удовольствия, когда мартышка вытаскивала туза какому-нибудь придурку. А уж сам он обдελывал кипятком штаны себе и двоим соседям. Решено: нам нужна обезьянка с волшебной шкапулкой! И чтоб обязательно с таким вот ажурным воротничком в сборочку. Не-пре-ме-ен-но!

Как это редко бывает в артистической среде, идея сразу пришлась по вкусу. Оставалось только найти среди лесов Северного кантона, изобилующих кабанами и белками, заплутавшую ученую мартышку в ажурном воротничке и с гадальным ящиком... Да их же полным-полно

тут, не так ли? Нужно лишь хорошенько присмотреться к кустам или не переехать повозкой на дороге.

Идея насчет «дуракам везет» известна достаточно давно. Везет, скажете вы, не только дуракам, ибо и вам иногда везло, а уж вы-то, конечно, никакой не дурак и даже вовсе наоборот. Да-да, охотно принимаем исправление: дуракам, а также весьма добропорядочным и умным людям, нацеленным на результат и вовремя отдающим налоги, глядишь – да и повезет в безнадёжном деле!

Буквально на следующей стоянке в Больших Капустах, славных, вестимо, своими капустными фермами, распродающими кочаны по всему кантону, был обнаружен бесприютный плод тропических эволюций о четырех руках и даже в совершенно прекрасном воротничке. Осталась же ученая обезьянка от загнувшегося в горячке циркача, коему скорбному событию не минуло двух недель.

Чудной зверь был никому не понятен, ибо не являлся ни овцой, ни коровой, ни конем, вовсе не походил на кошку или собаку и был чужд любой известной в поселении дичи. А более всего соответствовал образу человека, только весьма коверканному, снабженному лицом и всем остальным, что не преминет отметить наблюдатель, иной раз сконфузившись от увиденного.

Суеверные дамы, проходя в обозрении этакой страсти, крепче прижимали лозовые корзины к бокам и старались быстрее отвести детей от круглого зеленоватого ока, пытливо следившего за перемещением селян. Пьяные бросались по привычке камнями, но скоро жалели об этом, поскольку от кота или собаки обратно ничего не прилетит, а от обезьяны – со всем удовольствием и весьма точно в лоб или промежность.

Иногда же зверь, и не реже двух раз за день, приноровившись сидеть на столбе ограды городского головы и тем пятная авторитет власти, спускался оттуда и требовал от людей кормления. Кто с опаской, а кто и со смехом давали ему яблоко или овощ. Поили овечьим молоком. Примат обожал мед и булки – и вообще во вкусах весьма сходилась с фермерами, не считая пива и квашеной капусты, которой съедались в местечке тонны (герой Зюскинда сошел бы с катушек гораздо раньше, попади он сюда со своими талантами обоняния[8]).

В руки же он никому не давался, с фантастической ловкостью уворачиваясь от любых преследований. Кузнец, напившись пьян как сапожник вкупе с сапожником, не отставшим в хмеле от кузнеца, пытались изловить примата по науке, раскинув сеть, но лишь сами запутались в ней и долго еще на поругание двух супруг лежали спеленатые в канаве, пока не были вновь поработаны ими и водворены в домашние пределы – к месту, так сказать, постоянной приписки.

Иного безобразия из макака происходило с лихвою, ну да не о том речь. И мы его винить за это не станем, чтобы избежать нелицеприятных наблюдений над его старшим братом – человеком разумным, определение которому, подумаешь иной раз, пристало не по качеству, но в слепую лотерею бытия.

Именно такой экземпляр достался нашей странствующей труппе почитай задарма: двое исцарапанных о забор и один укушенный обезьяной. Макак бесновался и верещал, едва не перейдя к членораздельной речи от потрясения.

Как нередко бывает, в деле с норовистым животным победила строгая ласка: Аврил пригостила его сахаром, отказавшись выдать второй кусок до тех пор, пока макак не признает ее своей полноправной хозяйкой и распорядительницей. Тут едва не случился второй рывок эволюции: за сахар макак готов был подписать любые документы, включая клятвы и завещание.

Нареченный Педантом, хитроумный зверь устроился у нее на коленях и в признание своего полного доверия заснул, сунув в рот палец ноги – одна из удивительных способностей приматов, хотя согласимся, что не из самых завидных.

Умильную эту сцену наблюдали многие жители, и Большие Капусты наконец с облегчением вздохнули, видя такое примирение и избавившись от докучливой человекообразной твари, кравшей с подоконников помидоры.

Глава 9. БОЛЬШОЙ РОГ

Когда труппа вошла в Большой Рог, лужи на дороге покрывал первый хрустящий лед, а тучи чесали спины о сосны на холмах. Погода окончательно испортилась с вечера накануне и грозила стать еще хуже.

Почти ни с кем не встретившись по дороге, «Прыгающая лягушка» оказалась на центральной площади размером с птичий двор, где бронзовый пастух, дудящий в непропорционально большой рог – стародавний символ городка – выдувал над колодцем ворчание забравшегося в инструмент голубя и снежные хлопья.

У закрытой мэрии стояла понурая немолодая ослица, нагруженная дровами. Голенастый подросток в худой куртке тщетно пытался сдвинуть ее с места. Вероятно, противостояние длилось уже долго, потому что парень прыгал с ноги на ногу от холода и готов был расплакаться от отчаянья. Ослица сделала недовольное «иа-а!» и отвернулась мордой к стене, явив полное презрение к человечеству.

Большой Рог был маленьким захолустным поселением, по неизвестной причине возмнившим себя туристическим центром Северного кантона.

Несколько закутанных до носа торговцев стояли в бьющихся на ветру палатках, пытаясь сбыть пожилой паре ассортимент туристических безделушек, состоящий в основном из того же пастуха различных размеров и расцветок. Иногда пастуху улыбалось счастье, и рядом с ним на овальном пьедестальчике оказывалась рыхлого сложения пастушка, вестимо, привлеченная его рогом.

Пара ярко одетых энтузиастов перебирала выставленный товар, обмениваясь веселыми замечаниями, ничего, однако, не покупая. Точнее, веселые замечания исходили от подвижной как ртуть женщины с рюкзачком, совавшей под нос мужу очередную «самобытную поделку». В ответ поступало вежливое мычание, за которым угадывалась смертельная тоска человека, отказавшегося от трапезы в пользу сомнительной экскурсии. Только что он едва увернулся от острия штопора, вделанного в голову пастуха вместо рога, – удивительно остроумное решение, если вы знаете толк в сувенирах[9]. Мужчина согласно закивал раньше, чем его успели спросить, и быстро сунул в руку торговца несколько монет, очень надеясь поскорее прекратить вылазку по «культурным местам», выпив наконец егерской крепчайшей настойки за тарелкой с дымящимся бифштексом.

Когда пара с трофеем исчезла в переулке, внимание торговцев переключилось на пришельцев.

– Отличные сувениры на память о нашем городе... – тоскливо продекламировал один, высовываясь из шарфа.

– Незабываемые впечатления на всю жизнь... – пробубнил другой, подогревая чай на горелке.

– Надеюсь, это будет не слишком длинная жизнь... – проворчал Гумбольдт, отворачиваясь от ветра.

– Ты слишком мрачен, мой друг, – заметил Хряк, подставляя непогоде брюхо в шерстяном кардигане. – Почем барахло, ребята?!

На его вопрос никто не откликнулся. Оба торговца полностью ушли в себя – словно раки-отшельники, которых непогода грубо впихнула в раковины и завалила вход камнем.

– Мда, так им ничего не продать. Упускают шикарнейших клиентов! – констатировал Хряк и встал в позе капитана впереди Клячи, оценивая тесный пейзаж городской площади. –

Будем выступать здесь, – указал он пальцем на свободное место перед мэрией, где парень продолжал безуспешно бороться с толстолобой ослицей. – Но потом! – добавил толстяк, оборачиваясь к компании. – Перекусим, что ли? Я вижу обнадеживающе призывную вывеску. Должно быть, там уже открыто.

– Давай поищем другое место. В центре все дороже, порции с собачий ус, а жратва хуже некуда, – ответил Хвет, оглядывая площадь. – Вестимо, тут пруд пруди туристов! С нас сдерут три шкуры до костей. Пошли вон туда, что ли?.. Кишки крутит от голода.

Звать на такое дело не пришлось дважды. Пропетляв по переулкам, труппа остановилась в малюсенькой таверне на три стола, предлагавшей к тому же две меблированные каморки на чердаке. Заказавший копченый окорок получал одну комнату бесплатно, что немедленно устроило всех участников.

– Два окорока и грелку в постель! Помоложе там – и то и другое, – скомандовал Хряк, сдвигая столы.

Пока все устраивались, с удовольствием купаясь в волнах теплого воздуха, идущего от очага, за мутным окном возникла знакомая фигура в брезентовой обдергайке, безуспешно пытавшаяся управиться с ослицей.

– Давайте его позовем, что парню мучиться? – Аврил поднялась со стула в порыве добродетели и вышла за дверь – звать гостя.

Мученик извоза оказался весьма покладист и, с опаской поглядывая на Бандона, уселся на краешек скамьи ближе к очагу. Парень так усердно старался не стучать зубами, что перекусил бы проволоку, сунь ее кто-то ему в зубы.

– Ос-с-с...

– Ослица?

– Д... Он-н...

– Она?

Кивок.

– З-за в-в...

– За вами? То есть – за нами?

– Аг-га.

– Ослица припустила за нами? – собрала пазл Аврил.

– Н-ну да, – снова кивнул парнишка.

Словно в подтверждение этого за окном раздалось выразительное «иа!», по тону явное ругательство.

– А тебе-то куда надо?

– В-вон т-туда, – махнул он рукой куда-то в сторону чучела совы, украшавшей обеденную залу.

– Считаю, что тебе повезло! – подбодрил его не на шутку развеселившийся Хряк, уже опрокинувший кружку подогретого пива. – Берем его в труппу? А? Умеешь ходить по канату, пострел?

– Е-ес...

– Если?

– Ага. Е-если п-положить на пол, – парнишка до ушей расплылся в улыбке.

– Наш человек!

– А вы, что ли, ц-цирк? Б-будете в-выступать? – парень показал пальцем на макака, чем, похоже, его обидел. Педант с недовольным видом взобрался на карниз и оскалил зубы.

– Мы, икота тебя возьми, дарматический театр теней, блин! – ответил Гумбольдт, срезая с окорока сало. – И не пугай обезьяну – это заколдованный принц.

– П-пр...

– Но-но! – перебил его Хряк. – Наш друг неприкосновенен. Остерегись, парень! К тому же набивая брюхо за чужой счет.

– А я еще и н-не н-наб...

– На вот, чтобы челюсти не гуляли, – толстяк протянул ему кусок копченого мяса на лепешке. – Но для пива ты слишком юн, не взыщи.

– Да ладно вам, что напустилась на человека! Как тебя зовут? – захлопотала Аврил.

– Щуп.

– Говорящее имя... Расскажи нам о городе, дружище Щуп, – попросил Хвет, вальяжно облокотившись о стол.

– А фто? Гофод как гофод. Фто надо-то?

– Ну, что говорят? Что слышно?

Щуп с азартом проглотил мясо и прекратил зубную чечетку. К чести мелкого проходимца, он тут же протянул нетронутый кусок лепешки в сторону Хряка – своего кулинарного покровителя:

– Мясо же к лепешке шло? Нет?

– Ты прожорлив, как сто монахов, пострел! – покачал головой Хряк (для его комплекции почти подвиг), наделив Щупа добавкой окорока.

– Шпашибо.

– Отменный нахал, – похвалил Гумбольдт.

– Но ты задолжал нам рассказ. Даже не думай теперь отделаться парой заскорузлых слухов о сбежавшей мельниковой дочке: за две порции свинины мы заслуживаем лучшего отношения, – увещевал его Хвет, сам как мальчишка радуясь теплу и пище в этокое ненастье.

Снаружи раздалось очередное «иаа-аа!» недовольной миром ослицы. Животина использовала две доступные буквы из своего арсенала с большим талантом. Ее последнее заявление, несомненно, означало: «Что б вас плесень пожрала изнутри, двуногие скоты!» Щуп погрозил кулаком в окно:

– Чертова тварь! Чудь не замерз из-за нее! Вышли на рассвете еще, чтоб успеть к завтраку...

– О-о-о... – подбодрил Хряк, демонстративно не замечая протянутого куса лепешки.

Парень философски вздохнул, шмыгнул носом и спрятал его в карман.

– Может, на лепешку приманю гадину. Все ж домой-то нам попасть надо. Мать волнуется...

– Ты не уходи от темы.

Щуп пошарил взглядом по потолку.

– Ну... Из самого такого... На прошлой неделе гончара зарубили гномы.

– Ну?! Почему ясно, что это гномы? Заливаешь, брательник.

Известие насчет гномов сразу приковало внимание: для странствующих артистов штука не из приятных. О гномах рассказывали всякое, что, мол, в старые времена – и так далее... Многое, кстати, было правдой.

– Точняк! Мне что заливать? Они, говорят, еще промеж собой подрались. Там и тролль был. Всех дохлыми у леса нашли. И гончара тоже. Он глину копал у ручья – все перерыл, как крот, могу показать. А тут раз – пропал гончар. День нету, два нету. Пришли туда – везде кишки и руки-ноги! Я сам от мэрской дочери слышал, от Рыжей Стрыльды. Она-то уж всяко знает. Отец ей троллью голову показал! Прикинь?

Гумбольдт почесал небритый подбородок – будто ежом водили по сапогу.

– Какой заботливый папаша. Радует дочку при любой возможности.

– Да вы бы их видели – жабья семейка! – тут парень осекся, посмотрев на хозяина за стойкой, и продолжил гораздо тише. – В смысле, ее саму от тролля не отличишь. Дерется, если что, как пьяный мясник.

– Это бывает с девочками. А вот чтобы гномы с троллями вместе резали гончаров?.. Хрень какая-то.

– Не хрень. Не первый раз уже. У нас тут и булочника того, – Щуп жестом показал, что именно произошло с булочником, для достоверности вывалив язык. – Там куча следов была. Точно, гномы с троллями. Отец говорит, раньше такого не было. За стену запретил выходить. А тут что? Скука! Да эта вот замшелая стерва, – кивнул он на окно, имея в виду свою упрямую подопечную.

Ослица, словно ждала этого, немедленно заорала, проклиная проехавшую мимо повозку.

– Ладно, парень. Порадовал ты нас. В расчете.

– Идти, что ль?

– А то!

– Так ослица ж... – слабо засопровтивлялся Щуп, не желая выходить наружу.

– Твоя животиная, договаривайся с ней сам. И бить не смей!

– Указывал тут один... – ворчливо огрызнулся Щуп. – А представление-то когда?

– После заячьей свадьбы на другой день.

– Поня-я-ятно. Ну и ладно. Уроды, – добавил он совсем тихо.

За окном ослица разразилась ревом, приветствуя юного хозяина. Сцена счастливой встречи мучительно затянулась, потому что четвероногая тварь отказалась отходить от крыльца таверны. Страсть прям-таки у ослицы была постоять у какого-нибудь крыльца.

– Сил нет уже это слушать! Кир, тебя животины любят, я заметил, – обратился к нему Хвет. – Может, пособишь страдалыцу?

Когда Кир, с честью выполнив задание по доставке дров, ослицы и отрока и заслужив тем самым звания «офигенский жох» от Щупа, вернулся в таверну, то обнаружил всех примерно в тех же позах и при тех же разговорах, только пустой посуды значительно прибавилось.

– Меня все детство пугали троллями под мостом, только я до сих пор ни разу не слышал, чтобы они вот так вот нападали на людей почем зря. Если в горах только, в диких местах. А тут – нате, у города! Дед, помню, показывал нам с братьями троллий палец. Хрен знает, может, и вправду, а может, просто кусок бычьего хвоста. Так, пацанов страшать, – вещал Гумбольдт за кружкой пива.

– Всем в детстве рассказывали про королей Вырви-глаза и Руби-ноги. Помнишь, Хвет? Ты еще орал во сне. И про эту, не помню какую, битву?

– Кумскую... – вставил Гумбольдт, знавший все на свете страшилки. – Вообще, не может быть, чтобы тролли с гномами были заодно. Полная хрень, хоть я ни тех, ни других в глаза не видел. Все знают, они на одном поле не присядут.

– А я тролля однажды видел, – встрял из угла Бандон, которого все считали спящим. – Там еще, когда дома жил. Шли мы вечером с охоты, смотрим: на горизонте кто-то идет, здоровый, как та статуя. Отец сразу сказал: мол, тролль это, тихо, а то заметит, голову оторвет.

– Может, это дед твой шел?

– Да не. Дед с нами был. Сшиб палкой здорового бабуина, а мы тащили. До сих пор помню: зубищи как молотки. Точно тролль был. А гномов нет, гномов у нас там не было.

– Ну, что делать будем?

– Что будем? Выступать будем. Жрать-то надо, – подвел черту в разговоре Хвет. – Идем, посмотрим, что тут да как. Бандон, за тобой Кляча.

Прервемся на минуту в повествовании, чтобы немного осмотреться – ведь, путешествуя вместе с бродячей труппой, не обойти и нам художественного ремесла, как бы мы ни старались.

Из тех обрывочных фрагментов, которые терпеливый читатель преодолел, лстя самолюбию автора, могли сложиться догадки об амплуа и положении каждого из артистов. Скорее

всего, вы окажетесь правы в своих догадках – но и я, чтобы избежать обвинений в нерадивости, представлю ниже результаты поверхностной ревизии.

«Так кто ж вы наконец?!» – спросим мы вслед за классиками...

Хряк и Гумбольдт – два клоуна-самородка, гвоздавшие друг друга на представлениях буквально и изустно, оба острые на язык и заносчивые каждый по-своему. Первый – приземистый жизнерадостный толстяк, скабрезный, едкий живчик, улыбающийся всей своей натурой – от сальных выпуклых губ до кривых ножек под круглым брюхом. Второй – вытянутый в оглоблю меланхолик с птичьим лицом, на котором узко посаженные глаза лепились к длинному, горбом выступающему носу. Бледный рот его тянулся скобой к вздернутым сутулым плечам, подобно окаменевшей гримасе скуки, а руки, будто лишённые суставов, свисали плетьюми, по всей длине касаясь тощего тела. Таковы Хряк и Гумбольдт.

Хвет и Аврил – неписанные в уставе главари труппы – рыжие, кареглазые, гибкие, живые как ртуть певцы, плясуны и акробаты. Сестра чуть выше брата, брат чуть поспокойней сестры. Умные и верные друг другу, прошедшие вместе многое и немногим верившие, наученные уличной жизнью беспризорники.

Огромный, как гора, чернокожий силач Бандон, коего описывали мы выше, выступал сообразно своей натуре со здоровенной чугунной гирей, тягал со зрителями канат, подымал телегу за ось – и прочее, и прочее, чему способствовало сложение. Не всегда ум его поспевал за летучей превратностью бытия, но уже само занимаемое им пространство превращало его в некое подобие государства, границы которого обходили стороной марширующие полки событий. В случае крайней необходимости в дело вступали руки и ноги, дававшие фору быку-двухлетке, и на том проблемы обычно пресекались (если не считать хронического отсутствия денег и подходящего размера башмаков).

Кира же, спасенного и прибившегося к команде, пристроили декламировать баллады, накрепко запретив вступать в политические дебаты (что самозабвенно нарушалось). Отчего-то тяготевшая ранее лишь к веселым песням Аврил тут же и весьма крепко полюбила ремесло чтеца, выступая у того вторым голосом. Обратное – приучить его к акробатическим фигурам и танцу – у нее никак не выходило: парень был гибок, как кочерга, и примерно в тех же пропорциях сложен. Однако не чурался выступления с макаком, серьезным голосом выкрикивая предсказания, которые Педант вытаскивал из шкатулки.

Остановившись на постоялом дворе, артисты вывешивали лоскутный флаг, а Хряк с Гумбольдтом рисовали на заборе афишу, ибо тратиться на бумажные не имелось возможности и толку – дикая в привычках провинциальная публика их немедленно срывала, применяя в хозяйстве.

Вечером, если позволяла погода, объявлялось гала-представление, в котором клоуны тузили друг друга, Хвет вязался узлами и скакал, как тысяча чертей, Аврил танцевала под дудку, Бандон метал гирию, Кир читал про рыцаря, многое измышляя на ходу, а Педант раздавал зрителям их судьбы.

Представление повторялось раз-другой, после чего труппа снова пускалась в путь.

Такова «Прыгающая лягушка», чтоб вы знали.

Глава 10. ТО ЕЩЕ УТРО

Отвратительное мелкое существо! Жалкий комок перьев! Как ты можешь орать так громко? Для чего ты встаешь так рано? С первыми лучами солнца. Под самыми окнами. О, мать природа! Зачем создала ты в своей бесконечной фантазии это сомнительное чудо? Зачем внушила ему размножаться и призывно верещать в листве? Ведь есть же безмолвные черепахи. Есть далекие городов пингвины. Кроты, копошащиеся во тьме. Улитки. Снежный человек,

оглашающий эхом пустоту. Отчего прямо здесь, неизменно и неотвратимо этот казус эволюции пронзает воздух своими криками – в такую рань и так неустанно?..

Невыспавшийся Хвет по нитке клевал кусок холодной утятин, сидя за столом под навесом. Рядом дымилась чашка горячего бульона с растертыми травками, спасающими от похмелья. Во всяком случае, считалось, что они помогают. Женщины Кварты обладали поистине варварским упрямством, когда вопрос касался стаканчика-другого для поправки здоровья после бурной ночи. Жены, сестры и даже дочери от четырнадцати и старше за поколения приобрели удивительное чутье на то, когда, сколько и что можно пить в их присутствии – как и мужчины, путем естественного отбора, усвоили, что в этом деле не стоит спорить.

Во взгляде Хвета сквозила мука, щедро одобренная пахучим сбором и осознанием того, что ничего крепче бульона ему не светит – по крайней мере до вечера после представления. До вечера, до которого еще надо было дожить... И представления, которое еще надо было перетерпеть... Путь казался отчаянно бесконечным, а счастье недостижимым.

В солнечном пятне в пыли возились, воркуя, голуби, на которых с крыши какой-то потемневшей от времени постройки безразлично взирал большой вылинявший кот самой разбойничьей наружности. Оба уха его были до основания изорваны, нос располосован и смят, а от левого глаза вниз тянулся широкий черный рубец. Судя по героическому виду, зверь был отцом большинства котят в округе на протяжении многих лет и не собирался сдавать позиции. В его глазах тлел неукротимый вызов самому времени. Какой-нибудь вялый наследный принц рядом с Его Кошачеством выглядел случайным плевком Вселенной на тротуаре. Рядом за забором квохтали куры, раскапывая сор, и блеяла одинокая овца – безусловная дура и ханжа, покрытая слоем ваты.

Пестрый ком из яркого света, квохтанья и голубиной возни колоколом бился внутри головы молодого человека, который то и дело клевал носом, роняя рыжие букли, и тут же вздрагивал от их прикосновения к носу, закидывая голову с видом наигранной бодрости.

Аврил старательно не замечала его мук, занимаясь с Педантом, который (редкостная сволочь!) ни в какую не хотел вытаскивать счастливые карты из шкатулки, а когда соизволял произвести этот поразительный фокус, норовил сожрать карту, заметно предпочитая бубны. Сейчас разворачивалась битва за неповинного в грехах королевы и короля валета, будущее которого казалось темным, как обезьяний желудок.

– У-ук!

– Дай сюда, дрянь!

– У-ук!!!

– Я что тебе сказала?!

– Ох... – внес свою лепту Хвет, отворачиваясь от бульона, который никак не хотел обращаться в пиво.

– А ты вообще заткнись! – прикрикнула на него сестра, сердито поджимая губы.

– Если есть несчастный, кто женится на тебе... пусть он лучше в судорогах помрет до вашего знакомства... это честно и милосердно, в конце концов.

– Не учишь хамить у Гумбольдта, опарыш, – отрезала Аврил. – Пей бульон и иди проспись до представления. Таскаешься со шлюхами по ночам! Что я скажу матери?

– Она умерла, – слабо сопротивлялся Хвет, надавливая пальцами на виски.

– Что я ей скажу, когда мы встретимся в небесах? Что младший скатился до свинарника, где пьет, жрет и трахается, как боров?

– Что за прискорбное сквернословие, юная и почти невинная леди?.. – из-за ширмы высунулся свежий и румяный как помидор Хряк, обтирающий харю горячим полотенцем после бритья. Мочки его ушей украшали серьги из мыльной пены. – Но добавь к этому: испражняется, ибо истина дороже приличий! Хвет, ты пал ниже грязи и должен покаяться перед сестрой.

- Бейся головой о стену! – выкрикнул невидимый Гумбольдт, гремя тазом за ширмой.
- Пошли вы... – вяло огрызнулся молодой человек, отодвинув свой лечебный бульон, тарелку и само мироздание на край стола.
- Педант, скотина! Смотрите, что он наделал в шкатулку?!
- У-ук...
- ***

Пока происходили описанные выше события, Бандон, решивший погулять перед завтраком, нос к носу встретился со своим бывшим боссом, от которого свалил два года назад, прихватив обещанные призовые (и еще немного в качестве выходного пособия).

Что до истории событий... Как выяснилось после нескольких лет гастролей, бороться на арене и зарабатывать для Черного Гарри деньги входило в контракт Бандона, а вот про то, чтобы получить свои, не было написано ни словечка. По совершенно непонятной причине его это однажды перестало устраивать, и тот прямо как с цепи сорвался – наговорил грубостей, сломал кучу мебели и посадил начальника задом на раскаленную печь, даже не смазав ее маслом.

Все могло кончиться значительно хуже, если бы Гарри не отбили другие борцы из труппы. Многие из них прилично при этом пострадали... В общем, они расстались не то чтобы большими друзьями, продолжая сквозь годы и расстоянья люто ненавидеть друг друга. Нелюбовь эту подхлестывало осознание того, что Бандон, в общем-то, прав, а они, куча здоровых мужиков, продолжают глотать издевательства Гарри, словно младенец слюни. К тому же два лагеря состояли в известной конкуренции, в которой находятся меж собой все бродячие труппы, колящие по одним и тем же дорогам.

Воняющий перегаром Черный Гарри грыз развалинами зубов мундштук погасшей трубки и как раз собирался прикурить ее от головешки, когда понял, что темная тень, закрывшая вид на покосившийся забор, есть не что иное, как его давний неприятель, намеревающийся отлить. Трубка выпала изо рта антрепренера. Его глаза под кустистыми бровями округлились, словно тот узрел собственную могилу, а из горла вырвался хриплый рык.

Бандон, уже было приступивший к своему делу, без лишних предупреждений и в один мах сшиб Гарри на землю, придавив ему грудь ногой. Волею проведения под задом антрепренера оказалась та самая тлеющая головня, опалив, хотя и в меньших масштабах, ранее пораженное огнем место.

Здоровяк был добрым человеком. Гарри, который не мог дышать под навалившимся спудом, очень хотелось в это немедленно поверить. И уж просто шикарно найти тому прямые доказательства – потому что в обратном случае ему придется поверить в загробную жизнь, а это дело он откладывал на потом.

– Хало, Гарри, – пророкотал великан в ядовито-желтой майке, чуть приподнимая стопу, чтобы его дорогой приятель не задохнулся. – Давно хотел тебя повидать так вот... Как делишки?

Лицо антрепренера начало стремительно багроветь. Он выдавил что-то вроде «мха-а...» и отключился. На обвислых щеках проступила сеть малиновых жилок.

– Ах ты, горелый блин! – выругался Бандон, снимая ногу. – Издох, чито ли?

Никакого иного способа освежить бедолагу, кроме как от собственных щедрот, у Бандона не нашлось. Был бы ковшик воды под рукой... Но ковшика, как на грех, не было.

Однако процедура подействовала, и антрепренер снова открыл глаза, тут же поведя ими в сторону в поисках защиты. Ни одного из его гориллообразных подопечных не было видно. Кричать было бы явной логической ошибкой, да и сложно орать, когда являешь собой эквивалент жабы, растоптанной жеребцом.

Бандон присел на корточки рядом с бесформенной воняющей потом кучей, состоявшей главным образом из Черного Гарри, а также из вороха облезлых жилеток, слипшихся в один

заскорузлый панцирь. Головня, судя по всему, уже погасла, ибо толстяк не ерзал и не стонал, но лишь злобно скрежетал остатками зубов, глядя прямо в глаза обидчика.

– Ты не серчай, я так, поздороваться... Как бизнес? – по лицу Бандона расплылась нехорошая улыбка, говорившая за то, что вопросы заданы по причине светского воспитания, но вовсе не из участия к судьбе Гарри.

А бизнес, по всему судя, шел не очень. Даже в лучшие времена (а Черный Гарри знал их) он выглядел как выловленный в канаве покойник со скверным характером, пережившим своего обладателя. И пах соответственно. Его запах, кажется, имел собственный паспорт и мог пересекать границу, отправляясь в отпуск без обладателя. Теперь же антрепренер походил на бывшую в употреблении вещь, которой побрезговал старьевщик. Только его взгляд стал еще более злым и колким. Несмотря на застарелый алкоголизм, подлую натуру и бродяжью жизнь, этот мешок с требухой мог переглядеть коршуна. Ну, если не коршуна, то уж точно грифа, приметившего нехилый кусок падали на пустыре. Гарри был из тех, кого интересовало сугубо количество – монет, выпивки и его самого, любимого. По двум последним пунктам он реально преуспел в жизни и никак не успокаивался насчет первого, не брезгуя ничем, на чем было можно разжиться. Если бы кто-нибудь скупал по дешевке тени от людей и предметов, хозяин борцовского шоу не преминул бы продать свою хоть за медный грош.

Сейчас он беззвучно сверлил Бандона налитыми кровью глазками, лежа на сыром отвале у забора. Здоровяку даже стало на секунду жаль этого мерзавца, но он был достаточно сообразителен, чтобы не поддаваться такому чувству в обществе голодной гиены.

– Я так долго могу, – предупредил Бандон, снова прижимая антрепренера ногой. – Тебе удобно, дружок?

Тот сдавленно захрипел, но здоровяк теперь знал до какой степени можно давить, чтобы его «клиент» снова не отключился.

– Слушай, верблюжий потрох, у меня предложение. Ты валишь отсюда со своим ручным мясом и не оглядываешься? Понял? А потом еще долго-долго не появляешься у нас на дороге.

Гарри дернул щеками. Было это согласием или нет, оставалось неясным. Он продолжал не моргая смотреть на Бандона, вера в доброту которого пока не подтверждалась на практике. В конце концов антрепренер кивнул сразу четырьмя небритыми подбородками. Бандон убрал ногу с его груди и, не оглядываясь, ушел, покачивая бычьей спиной.

На самом деле на сердце у него скребли кошки. Он был уверен, что банда Черного Гарри никуда не уйдет, а напротив – попытается устроить разборки. Слишком явным казался перевес в силе: пятеро борцов против полудюжины комедиантов, среди которых толстяк, пара тощехвостов и девица. Последнее вообще было отличным поводом «за» то, чтобы напасть на них, не откладывая. «Ав – знатный трофей», – поймал себя на мысли здоровяк и сам же себе ударил по рукам (тоже мысленно).

По крайней мере они не застанут их врасплох, решил про себя Бандон, ибо бежать в данных обстоятельствах было еще менее разумно, чем принять бой. На местных вряд ли стоило рассчитывать, но хоть бинтами можно будет разжиться, если что... И очень кстати, если народец Черного Гарри все так же не просыхает, как раньше, накачиваясь с утра вместе с патроном, – некоторые привычки активно трудятся против их обладателей.

Гумбольдт словно переломился пополам, согнувшись всем телом, и резко дернул за штанину стоящего перед ним громилу. Тот, не удержавшись на ногах, с ревом опрокинулся навзничь. Это решило дело, потому что на его голову опустился грубо сколоченный табурет, использовавшийся комедиантами как подставка, походный верстак и еще десятью различными способами, среди которых нашелся и такой.

Хряк повторил удар и теперь стоял, тяжело дыша, над распластанным бритым здоровяком в слишком длинных и широких для уличной драки штанах. И стоило бы ему обер-

нуться – потому что прямо в его загривок летел с силой брошенный топор. А может, и не стоило, и судьба, напротив, спасла чревоугодника, подставив смертельному оружию мягкое место: с воем, от которого перепугались свиньи в хлеву, ясно увидев свою будущность, он перелетел через поверженного врага, пораженный в загривок обухом.

Гумбольдт пружиной метнулся к другу, попутно всадив локтем в горло бросившему топор коренастому мужику в феске. Тот захлебнулся от удара и упал на землю – не ясно, здравствуя или издыхая.

Хряк лежал в грязь лицом поперек пришибленного табуреткой борца, однако ничем таким из внутренних соков не обгаренный, вполне себе дышащий и даже сквозь зубы выдающий миру отборной бранью. Гумбольдт присел на корточки, настороженно оглядываясь вокруг. Но тот в феске, что хрипел у опрокинутого стола, был, похоже, последним из ватаги Черного Гарри, кто еще оставался на ногах. Дело было сделано.

Из-за разорванного полога показался Бандон в обескураживающе полосатых кальсонах, едва достающих до колен. В ручищах он держал обломок чего-то продолговатого, похожего на оторванную ногу. На секунду в животе у Гумбольдта похолодело... К облегчению, «нога» оказалась трубой с походной печи – абсолютно мирный предмет, если его не держит наперевес бык на двух ногах, хоть и по-клоунски одетый.

– Авхил? – откуда-то прогнусил Хвет. – Авхил? Сыш? Ты хде?

Скоро и рыжий выволоксся на свет, прижимая ладонью разбитый нос. Как и на Бандоне, на нем не хватало много из одежды, и в то же время было с избытком подозрительных пятен и отпечатков. Хвет шатался, слизывая кровь с губ, и пытался разглядеть поле боя заплывшими глазами. Парню прилично досталось в драке.

Тут с покатою крыши над лопухами послышалось явственное: «Суки!» Девушка спрыгнула на землю, сжимая в руке широкий разделочный нож – что-то среднее между лопаткой и бердышом. Судя по алой кромке, он ей недавно пригодился в недолгом и малоприятном диалоге. За спиной Аврил послышался громкий шорох. Она как кошка отпрыгнула, развернувшись в воздухе. В руке угрожающе блеснуло лезвие, с которым юная дама управлялась не в пример лучше, чем с крючками и спицами. Внуки таких женщин, если судьба благоволит им дожить до старости, могут не рассчитывать на полосатые носки и свитер с оленями к Рождеству.

Из лопухов показалась растрепанная голова Кира. Скулы и подбородок юноши были покрыты кровью, а разбитые губы расплзлись в широкой улыбке.

– Идиот, – наградила его Аврил, сверкнув глазами. Впрочем, в голосе ее слышалось облегчение.

Никто не ожидал, что Кир окажется таким злым бойцом. И менее всего самодовольные увальни Черного Гарри, трижды превосходящие его в объёме, на которых он кинулся с оловянным подсвечником в руке и криком выведенной из себя чайки.

В результате этой атаки первый из топчущихся у шатра противников сразу лишился половины зубов и самоуверенности до конца своих дней. Второго парень вывел из строя, изловчившись серьезно разбить колено. Кир метался с нечеловеческой скоростью, но у третьего было больше времени на раздумья. Он-то и прошелся по физиономии героя, пока его не отвлекла Аврил, суеящаяся на крыше овечьей стойки.

Было очень, очень неразумно забираться туда, полагаясь на то, что ахающая девушка с платком в руке вот-вот потеряет сознание от ужаса. Но она так растерянно смотрела вниз, так неловко балансировала на досках... В самый неудобный момент, когда борец уже лежал грудью на краю крыши, но еще как следует не подтянулся, перепуганная до полусмерти девица вдруг оказалась прямо перед его лицом, с яростью опустив тесак на запястье. Второй взмах наверняка бы лишил его жизни, если бы громила не скатился с воем в кусты. Аврил посмотрела

вниз, решив, что на ней уже довольно царапин, чтобы бросаться в заросли шиповника из-за какого-то однорукого придурка.

В защиту романтического облика юной леди скажем, что после всего случившегося она, как положено, поплакала, сморкаясь в платок Гумбольдта, и даже снизошла до бинтования и примочек наиболее пострадавшим.

Не дожидаясь рассвета, «Прыгающая лягушка» покинула местечко, отправившись южнее, в надежде избежать очередных неприятностей, в том числе с представителями закона, которые нет-нет да и заглядывали в отдаленные уголки страны, чтобы напомнить о себе.

Черный с полосой шатер Гарри стоял во тьме. Где-то под его покровом, кажется, шла какая-то неприятная возня и слышался хрип, но точнее было не сказать. Может, в своих загонках беспокоились козы. А может, просто ветер трепал лохмотья, свисающие с веревок на крестьянских дворах.

Смирная и покладистая Кляча выволокла повозку на некое подобие дороги, и скоро та растворилась в истончившемся мраке осенней ночи.

Глава 11. ТЕАТР НА ОБОЧИНЕ

Дни шли за днями. «Прыгающая лягушка» продолжала колесить по бездорожью, забавляя крестьян и ремесленников в деревнях и маленьких, обнесенных частоколом северных городках, которые все больше заваливались в спячку ввиду приближающейся зимы.

Прошедшее забывалось, насущное требовало свое. И однажды в нарождающихся сумерках труппа, включая притихшего макака, разместилась на террасе заброшенного фермерского дома, встретившегося им по дороге. В доме пахло древесной трухой и сырым подвалом, но здесь, под остовом крыши, черепицу и жестяные заплатки с которой давно содрали рачительные соседи, было свежо и уютно. Перила и все вокруг обвивали стебли еще зеленого густого хмеля, необыкновенно пахучего, будто пытавшегося своим запахом сберечь лето на отдельно взятом пятачке, в следующем июне получив орден за беззаветную стойкость.

Бандон выволок откуда-то громоздкую и ржавую по швам, но еще вполне годную жаровню, которую поставили тут же, сами устроившись на ящиках и корзинах. В этот вечер дежурство по кухне приходилось на Хряка с Гумбольдтом, что заранее не предвещало ничего доброго. Однако, поддавшись волшебству места, и они соорудили нечто почти съедобное, тем паче скудные запасы вина было решено беспощадно и окончательно разорить, а под этот соус годится любая стряпня на свете вплоть до английской кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.